
Андрей Коваль
Цикл
Пепельный путь
Книга 6
Расколотые клятвы

Андрей Коваль

Пепельный путь. Книга 6: Расколотые клятвы

«Автор»
2026

Коваль А.

Пепельный путь. Книга 6: Расколотые клятвы / А. Коваль — «Автор», 2026

Первые договоры заключены, но чернила на них ещё не успели высохнуть, а враги уже ищут способ превратить союзников в противников.Красные горы бросают вызов культу Нергал. Бароны готовят новые удары, леди Мираэль плетёт сеть интриг, а среди самих непокорённых зреет раскол.Исследуя наследие Древних, Лекс приближается к открытию пути в Небесные чертоги — туда, где обитают сами боги. Тем временем Айрин возвращается в разрушенную Ингрию, где ей предстоит столкнуться с памятью о погибшем королевстве и теми, кто требует возродить его под знаменем Белого Волка.Старые обиды, поддельные письма, кровь и предательство испытывают на прочность дружбу, любовь и верность данному слову.Но страшнее любого поражения для непокорённых может оказаться победа, одержанная ценой собственных убеждений.Верность измеряется не красотой принесённой клятвы, а ценой, которую ты готов заплатить, чтобы её не нарушить.

© Коваль А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тяжесть пустой строки 5
АКТ I. Месть и память 8
Глава 1. Зуб за зуб 8
Глава 2. Под алтарём Нергал 17
Глава 3. Цена союза 27
Глава 4. Союзы на условиях 36
Глава 5. Тень трона 49
Интерлюдия 1. Голос из тишины 61
Глава 6. Пыль веков 67
Г 78
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Пепельный путь. Книга 6: Расколотые клятвы

Пролог. Тяжесть пустой строки

Месяц Лаэриэль, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Время: незадолго до возвращения отряда Клыка
Место: база в Красных горах

Марфа отодвинула пустую миску и положила на её место книгу расхода. На верхнем листе были записаны вода, дорожные лепёшки и ткань для перевязок, выданные отрядам, разошедшимся в разные стороны. Обычная ведомость. В Красных горах даже тревожные дни начинались с неё: людям по-прежнему требовалось есть, что бы ни говорили на Совете и какой бы бог ни вздумал сердиться.

Возле имени Клыка оставалась незакрытая строка. Сколько людей ушло, столько следовало принять назад, но между двумя цифрами пролегала дорога, на которую бухгалтерская запись не действовала. Марфа не любила пустых граф: окончательный расход был ещё неизвестен, и ей казалось, будто кто-то оставил дверь распахнутой среди зимы. Закрыть графу наугад было просто, однако такая простота потом оборачивалась пропавшими мешками, несправедливо обвинёнными кладовщиками и распоряжениями искать людей, о судьбе которых уже не у кого спросить.

Один из помощников принёс перечень починенных фляг. Марфа сверила номера и заметила, что напротив двух фляг стоит одна общая отметка мастера. Попросила объяснить. Оказалось, обе проверял один человек и решил не повторять фамилию. Ничего страшного не произошло, но Марфа велела исправить запись. Если в дороге разойдётся шов и воды окажется меньше положенного, по ведомости должны будут найти того, кто отвечал за работу, а не спорить, чью фамилию подразумевали. Марфа не стала читать наставлений: пока все были на базе, ошибку можно было исправить одной строкой. Помощник недовольно поджал губы, однако переписал строку без возражений.

— А если они придут сегодня? — спросил он уже у двери.

— Тогда накормим.

— А если завтра?

— Тогда завтра и накормим.

— Просто на кухне спрашивают, сколько оставить.

Марфа отложила уголь.

— Оставить столько, сколько положено вернувшимся по списку. А если не вернутся вовремя, еда не пропадёт. Люди и без путешественников есть хотят.

Он ушёл, а Марфа ещё немного прислушивалась к шуму коридора. За стеной кто-то повторял неудачную шутку Шила, рассказанную за ужином, и смеялся над ней уже без самого шутника. Из кузницы доносились удары — неодинаковые по силе, но ровные по ритму. Там не ждали известий, чтобы продолжать работу. И ей ждать не следовало. На складах нужен порядок, в лазарете — перевязочная ткань, караульным — чистое масло для ламп, а людям — честная мера пищи. Только так можно было встретить плохую весть, не добавив к ней собственной беспомощности.

Марфа знала: за воротами были не одни враги. Чужие общины торговались, осторожничали и не желали принимать чью-то сторону без решения старших. Слова «союзник» от них нельзя было потребовать так же легко, как подпись кладовщика за полученный мешок. Клык это понимал и потому часто возвращался с переговоров без громких обещаний. Марфа и не спрашивала по десять раз на дню, привезёт ли он воинов: важнее было, чтобы он привёл обратно тех, кого увёл.

Она сверила ещё один столбец, оставила отдельную строку для снаряжения, которое вернут с дороги, и убрала книгу в защищённый от сырости ящик. Графа возвращения по-прежнему пустовала. Марфа не зачеркнула её и не вписала желаемого: у дороги было собственное время, которое не сократить угольным карандашом.

Когда из коридора опять спросили, готова ли кухня, Марфа ответила, не повышая голоса:

— Готова. И пусть воды нагреют больше обычного. Люди сначала должны смыть с себя дорогу, а потом уже рассказывать, что на ней было.

В её словах не было ни предчувствия беды, ни распоряжения о новой операции. Просто Марфе слишком долго приходилось и встречать людей с дороги, и ждать тех, кто не вернулся, чтобы путать ожидание с работой.

АКТ I. Месть и память

Глава 1. Зуб за зуб

Месяц Лаэриэль, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Время: вечер возвращения Клыка — рассвет следующего дня
Место: Красные горы, внутренний пост и командный центр

Отряд Клыка вернулся к Красным горам на закате. Первым из западного тоннеля появился сам командир: пыль забилась в швы плаща, лицо обветрилось, под левым глазом желтел синяк, оставшийся после поединка с драконидом. Шёл он ровно, но заметно берёг плечи под ремнями дорожного груза. Следом Грук нёс свёрнутый тент и опустевший мешок из-под воды. За ними вышли шестеро орков, которых они забрали у водосбора после переговоров с прайдом. Все шестеро дошли. Ни добычи, ни знамён Ледяного Пламени путники не привезли, и, глядя на сбитые сапоги и пересохшие губы, Лекс не сомневался, что дорога обошлась им недёшево.

Лекс встретил их у внутреннего поста. Даже возвращавшимся из посольства приходилось проходить обычную проверку: Клык сдал нож дежурному, назвал действующий код и дождался сверки с журналом. Лишь когда караульный открыл проход, он протянул Лексу руку. Орков проверили по тому же порядку, без исключений за долгую дорогу. После отметки в журнале шестерых отпустили к своим, а на доклад с Клыком остался Грук. Никто не возражал: после недавних проникновений всякое послабление у ворот казалось слишком дорогим подарком неизвестному противнику.

— Живой, — сказал Лекс.

— Сам удивлён.

Грук фыркнул.

— Много говорил. Дракониды съесть не успели.

— Они и не собирались меня есть.

— Один предлагал.

Клык повернулся к орку.

— В шутку.

— Я тоже.

Лекс впервые за день улыбнулся без усилия. За доклад взялись только после того, как путников накормили и дали им пройти осмотр. С Айрин Клык спорить бы не стал, а с Владой, которая в её отсутствие следила за здоровьем разведчиков, спорить было тем более бесполезно. Та проверила ноги, натёртости от ремней и старый синяк Клыка, прежде чем отпустить обоих в командную. За столом уже ждали Шило, Грым и Эрвин. Марфа пришла позже — не ради рассказов о степи: от решения драконидов зависели торговые пути и будущие расходы на охрану караванов. Грук привычно встал у стены, однако Лекс подвинул ему свободный стул.

Клык ел медленно. Пальцы у него временами подрагивали, и Лекс видел, как трудно сталкеру удерживать ложку, хотя тот упорно делал вид, будто дорога прошла без особенных трудностей. Рядом с миской легла дорожная дощечка, испещрённая отметками воды, ночёвок и двух обходов из-за осыпи. Прежде Лекс, вероятно, начал бы расспрашивать их прямо у ворот, пока люди ещё стояли с дорожными мешками. Теперь он дождался, пока Клык сам отложит ложку. Сведения никуда не денутся за несколько минут; силы у вернувшихся, напротив, могли закончиться посреди доклада.

Грук ел с таким усердием, словно собирался возместить одним ужином всё, чего недополучил за дни дороги. И всё же при каждом шаге за дверью его голова чуть поворачивалась на звук. После ночёвок возле оружия безопасная комната не сразу становилась по-настоящему безопасной. Шило, остававшийся на базе во время их посольства, сидел с краю стола и осматривал разошедшийся шов собственного сапога: перед новым выходом обувь предстояло привести в порядок. Ни Клык, ни Грук не пытались приукрасить возвращение. Пока всё добытое на юге умещалось в дорожных пометках и в усталости, которую никакой отчёт не мог отменить.

Когда посуду унесли, Лекс подождал, пока Клык сам развернёт дощечку и положит рядом карту. Желание поторопить его почти физически мешало сидеть спокойно. Но именно посланнику предстояло рассказать, что удалось получить, а от чего пришлось отказаться, и Лекс не собирался перебивать его заранее заготовленными вопросами.

— Крэш союза не обещал, — начал Клык. — Вот это сразу и запишите. Не надо приукрашивать.

Грым уже держал уголь над листом.

— Пишу.

— Прайд Ледяного Пламени остаётся нейтральным, — сказал Клык. — Без решения своего Совета большие вооружённые отряды на внутренние тропы не пускает. Воинов нам не даёт. Проверенными сведениями обмениваться будут, через одиночных гонцов. Если кто-то предложит золото за войну против нас, снова соберут Совет. Не обещали сразу отказать, но и продавать своё слово без разговора не собираются.

— То есть они могут изменить решение, — сказал Эрвин.

— Могут. Как и мы.

— Условия?

Клык перечислил условия: где брать воду, на каких стоянках вправе останавливаться гости, почему нельзя тайком нанимать воинов прайда от имени всей общины. Метка Зар'тока подтверждала лишь, что Ледяное Пламя выслушало посланника и отпустило его по своей воле. Лекс заметил, как Грым старательно записывает именно ограничения, а не только выгоды. Нейтралитет устраивал его и без громкого слова «союз»; важнее было знать, какой дороги их отрядам теперь не обещали.

— Крэш спрашивал про звёздное железо? — спросил Грым.

— Спрашивал. Я рассказал лишь то, что знал, когда уходил с базы: был один образец, из него изготовили один специальный сердечник и один раз выстрелили по аватару. Результат видели, но объяснить его пока не могли. Про поход к объекту 7-Г и то, что там нашли после нашего ухода, я тогда ничего не знал.

Грым кивнул: Клык и не мог сообщить прайду о находке, сделанной позже. Марфа спросила о состоянии южной дороги. Грук подробно описал два пересохших водосбора и стоянку, на которую после обвала нельзя было вести даже небольшой караван. Шило перенёс эти сведения на карту, отличая известные участки пути от мест, которые ещё предстояло проверить. Только после этого Клык откинулся на спинку стула и впервые позволил себе выглядеть усталым.

— Теперь можно спать?

— Можно, — сказал Лекс.

В дверь постучали. Дежурный связист вошёл, держа кристалл связи обеими руками. Судя по тому, как осторожно он поставил его на край стола, сообщение пришло не из обычной торговой цепочки.

— Силь'Верен. Срочный пакет. Канал подтверждён Лаэроном.

Лекс уже поднялся. Клык, собиравшийся идти отдыхать, остался у стола. Связист подключил кристалл к приёмному контуру, дождался трёх коротких сигналов подтверждения, и из устройства донёсся голос Лаэрона — хриплый, усталый, непривычно медленный.

— Красные горы, это Лаэрон Силь'Верен. Подтверждаю личность. После нападения Силь'вариэн разрешил срочную связь. Канал согласован. Записывайте дословно.

Грым подвинул лист. Лекс чувствовал, как ладони становятся холодными.

— Готовы.

— Сегодня в роще напали на Айрин. Нападавших было семеро. Пятеро погибли: трое на месте, двое позднее от ран. Один скрылся, один пленён. У Айрин рана на левом предплечье, четыре шва. Сухожилия целы, угрозы жизни нет. Серафима жива. После применения дара у

неё болела голова, было носовое кровотечение; сейчас состояние стабильное. У меня повреждены правое плечо и ключица. Жизни это не угрожает.

Лекс прикрыл глаза на один удар сердца. Рука сама потянулась к краю стола, и он лишь тогда заметил, что сжал пальцами дерево так сильно, что побелели костяшки. Открыв глаза, он заставил себя спросить о главном.

— Айрин в сознании?

— Да.

— Говорить может?

— К сожалению для всех нас, очень хорошо.

Из динамика донёсся второй голос:

— Я всё слышу, Лаэрон.

Лекс разом сел: ноги словно перестали держать.

— Айрин.

— Жива. Рука болит. Злюсь. В таком порядке.

— Кто…

— Сначала слушай до конца.

Лекс замолчал. Айрин сама, без лишних отступлений, перечислила известные ей факты: серый посредник, трактир «Сломанное копьё», двадцать средних кристаллов аванса и ещё двадцать после нападения, поддельное письмо и ложные знаки Белого Волка. Описание посредника походило на сведения о контакте Родиона; на одном из мешочков оплаты нашли серебряную нить. Всё это она называла уликами, но не доказательством личности заказчика. После короткой паузы добавила:

— Пока подозреваем сеть Мираэль. Доказательств нет. Услышишь от кого-нибудь: «Он всё рассказал, это точно она», — можешь врезать ему от моего имени. Здоровой рукой.

Шило прикрыл рот ладонью, пряча невольную улыбку. Лексу шутка сейчас давалась труднее: он всё ещё представлял Айрин одну против семерых, хотя голос из кристалла уже доказал, что она не одна и жива.

— Понял.

— И ещё. Договор с домом подписан, но ограниченный. Армии нам не дадут. Обмен проверенными сведениями, согласованные пути эвакуации гражданских, лекарства и инструменты по отдельным ведомостям. Подробности в пакете. И не превращайте это в обещание, которого нам не давали.

Эрвин уже записывал, не дожидаясь отдельного приказа.

— Поздравляю.

— Поздравишь, когда я вернусь.

— Когда?

— Когда лекарь отпустит в дорогу. И когда разберёмся с охраной.

— Хорошо.

Лекс помолчал. Хотелось сказать, что Айрин не следовало идти к озеру, что охраны нужно было взять больше, что он сам должен был находиться рядом. Ни одна из этих мыслей не могла изменить случившегося, а произнесённая вслух прозвучала бы как упрёк ей за чужое преступление. Айрин словно услышала его ещё до первого слова.

— Только не выдумывай, как тебе надо было оказаться сразу и на базе, и в Стальгорне, и у Крэша, и здесь, в роще.

— Я ничего не сказал.

— Ты молчишь громко.

Лекс выдохнул.

— Береги руку.

— Ты — голову.

После подтверждения приёма пакета связь оборвалась. Несколько секунд за столом никто не говорил, и даже Шило оставил свой сапог в покое.

Кристалл погас не сразу: по его граням ещё бежали тусклые полосы, пока комната снова не осталась в свете обычной лампы. Лекс продолжал смотреть на устройство, будто оттуда могло прозвучать ещё одно слово Айрин. Он узнал главное: она в сознании, сухожилия целы, помощь оказана. Но знание с трудом вытесняло картины, которые подсовывало воображение, — тёмную тропу в роще, чужой клинок, кровь на рукаве, рану, которой он не видел и потому представлял страшнее настоящей.

Клык не торопил его. Положил ладонь на край карты и ждал, пока Лекс сможет на неё посмотреть. Тому хватило одного взгляда на записи Эрвина, чтобы снова выстроить события по порядку: семеро нападавших, один скрылся, один взят живым, письмо поддельное. Дальше начинались предположения. Лекс отодвинул от себя кристалл связи.

Шило молча освободил место у карты. В этом не было ни утешения, ни попытки отвлечь разговор, и Лекс был благодарен именно за это. Сейчас он не хотел из злости погубить заключённое Айрин соглашение, за которое ей пришлось спорить, рисковать и в конце концов пролить кровь. Когда Клык заговорил, Лекс уже стоял у карты.

— Ну, кого уже решил убить?

У Лекса дёрнулся уголок рта.

— Очень вовремя вернулся.

— Значит, успел.

— Мираэль.

— Которую мы пока только подозреваем, напомню.

Лекс поморщился.

— Хорошо, хорошо. Ту, которую мы пока только подозреваем.

— Ещё?

— Нергал.

Клык покачал головой, и по выражению его лица Лекс понял: обсуждение будет неприятным, хотя сталкер только что вернулся из тяжёлой дороги.

— А вот здесь подожди.

Шило перестал улыбаться. Клык подвинул к себе карту.

— Мираэль и Нергал— разные враги. Не смешивай их только потому, что ты сейчас зол. Ударишь по храму из-за того, что Айрин ранили наёмники Мираэль, — сорвёшь злость, а не решишь старую задачу. И если сеть Мираэль здесь вообще замешана, это ещё предстоит доказать.

Лекс почувствовал, как поднимается раздражение: слишком хотелось, чтобы ему сейчас позволили ненавидеть кого угодно. Он переждал первый порыв и лишь затем ответил.

— Храм Нергал уже был в списке угроз до сегодняшнего дня.

— Почему?

Вопрос заставил его остановиться. Клык не спорил о праве на месть и не пытался утешить. Он требовал назвать причину, которая существовала ещё до сегодняшней вести. Лекс повернулся к Эрвину.

— Папка по культам.

Эрвин достал из шкафа связку листов. За последние недели к ней подшили сообщения Лаэрона, Зига, Серафимы и двух торговцев. В нескольких храмах Нергал жрецы повторяли одни и те же слова о враге Тёмной владычицы. По наблюдениям Архитектора, после потери Эриннии возникали попытки восстановить связь с нею через культовые узлы; однако назвать конкретных жрецов или определить их намерения устройство не могло. В Стальном Шпиле находился крупнейший из доступных им храмов богини. Через него шли пожертвования, про-

поведи и поручения культа. Ничто из этого не связывало храм с нападением на Айрин, но сеть Нергал уже действовала против Красных гор.

— Значит, вопрос другой, — сказал Клык. — Мы бы ударили по этому храму, если бы Айрин сегодня спокойно поужинала и легла спать?

Неделю назад они уже обсуждали такой удар и отложили его: безопасного пути не нашли, а старые нижние ходы некому было проверить. Теперь Клык вернулся и мог возглавить разведку. На базе находился и Грымза, знавший подземные стоки Стального Шпиля по прежним контрабандным вылазкам. Это знание не превращало старые ходы в готовый маршрут, зато давало хотя бы возможность начать с проверяемых сведений.

Эрвин разложил бумаги, отделяя старые сообщения от только что принятого пакета. Красные отметки стояли возле подтверждённых контактов храмовых связных, серые — возле пересказов без установленного свидетеля. Грым подошёл и принялся сверять даты, хотя никто не просил его помогать. Лекс видел: если начать сейчас подчёркивать всё красным, они быстро получат список врагов, удобный для мести и бесполезный для настоящей операции.

Среди бумаг были записи о поставках кристаллов и расходах храмового квартала. Клык задержался именно на них. Для передачи распоряжений нужны связные, помещения и кристаллы, а значит, у сети должны быть и склад, и люди, которые этот склад обслуживают. Но человек, приносящий к храму зерно, ещё не становился участником культа. Лекс указал на две соседние записи: в одной значилась отправка сигнальных кристаллов, в другой — поставка масла для ламп. Считать их равноценными уликами было бы не только несправедливо, но и опасно для будущей разведки.

Лекс ещё раз перечитал прежнюю формулировку цели. Не разрушать храм ради красивого символа, не мстить за рану Айрин, не охотиться на любого человека в чёрном плаще. Требовалось вывести из строя узел, через который сеть передавала распоряжения, не задев тех, кто к её делам отношения не имел. После недавних боёв он слишком хорошо представлял, как один ошибочно установленный заряд может обрушить проход вместе со своими. Здесь за такую ошибку пришлось бы расплачиваться ещё и доверием людей, называвших Красные горы убежищем. Клык ждал ответа, и Лекс не стал превращать его в речь перед картой.

— Да, — сказал Лекс. — Только не сегодня. Сначала разберёмся с тем, что ближе.

— Вот теперь можно говорить.

— Но после покушения ждать нельзя.

— Можно передвинуть срок. Менять цель не надо.

— Согласен.

Клык кивнул. Грук, до того слушавший спор, не вмешиваясь, наконец подал голос:

— Бить — так знать зачем. У орков проще. Отмстил — и что? А сломал врагу мост — он ещё долго не проедет.

Шило бросил на него взгляд.

— Ты сегодня философ.

— Я ел.

* * *

Решение о подготовке рейда за один разговор не приняли. Клык успел выслушать первые предложения, однако прежде чем обсуждение перешло к подробностям, потребовал отдыха.

— Я могу пойти сейчас, — сказал он.

— Можешь, — ответил Лекс. — И будешь ошибаться чаще.

— Вот и я о том. Иду спать.

Пока Клык и Грук спали, Лекс остался с Шило, Грымом и Бруном собирать сведения для будущего плана. Грымзу нашли в мастерской ближе к полуночи. Он явился с тремя схемами стоков Стального Шпиля, чужой долговой распиской и куском копчёной рыбы. От бумаги пахло старым маслом, от рыбы — дымом. Грымза при виде карты сразу возмутился: на ней

новые городские улицы были нанесены поверх тех, которые он помнил ещё по довоенным временам.

— Рыба зачем? — спросил Грым.

— Думаю лучше, когда ем.

— А расписка?

— Думаю ещё лучше, когда помню, кто мне должен.

Тайного тоннеля прямо под алтарём, каким его непременно нарисовали бы сочинители дешёвых баллад, не нашлось. Старый водоотвод проходил под храмовым кварталом и делился на три рукава. Первый давно обвалился; вторым пользовались городские рабочие. Третий числился закрытым с постройки нового коллектора, но до войны Грымза дважды провозил по нему контрабанду. Он помнил, на каком повороте приходилось гасить свет и где колесо тележки едва не провалилось в слив. Что случилось с ходом за прошедшие годы, он не знал.

Грымза разложил схемы так, чтобы три рукава не накладывались друг на друга, и придавил края долговой распиской. На бумаге всё выглядело почти удобной дорогой. Лекс же успел убедиться, что старые планы не поспевают за обвалами, ремонтом и сменой назначения помещений. Обозначенный «служебный коридор» мог быть завален мусором, затоплен или упираться прямо в действующий пост стражи. Грымза прекрасно помнил старые стоки, но сам первым признал, что там, где давно не бывал, может указать только прежнюю дорогу, а не нынешнюю.

План разбирали с конца — от предполагаемого выхода и места, где отряд сможет собраться, не перегородив проход. Потом решили, как вынести раненого, если кто-нибудь повредит ногу на лестнице, и каким знаком предупредить остальных, что дорога назад перекрыта. Шило требовал не рисовать стрелок там, где никто не видел настоящей стены. Грым вместо них ставил вопросительные знаки; Грымза ворчал, что они превращают карту в ежиную шкуру, но сам указал два низких места, где после дождей застаивалась вода. Оба отсутствовали на официальном плане. Спор занял больше времени, чем Лекс ожидал, зато никто не вышел из-за стола с уверением, будто теперь знает дорогу наверняка.

Лекс наблюдал за спором и вмешался только тогда, когда речь зашла о тяжёлых решётках. Считать проход открытым по одному значку на схеме было нельзя. Грук и орки могли сдвинуть заржавевшее железо, но не вернуть время, если отряд упрётся в наглухо заваренный затвор. Закрытые ветви пометили как возможные препятствия, а не как запасные пути отхода. Грымза спорил, пока Лекс не показал, сколько человек окажется за первой решёткой при тревоге. После этого гоблин сам зачеркнул самую удобную стрелку. Нового маршрута от такого решения не прибавилось, зато на карте стало меньше опасной уверенности.

— Когда последний раз?

— Три года назад.

— Значит, мы не знаем, открыт ли сейчас.

— Знаем, что три года назад был.

— Вот именно. А нам туда сейчас идти.

— Ты плохо влияешь на людей, — сказал Грымза Лексу.

— Грым говорит то же.

Для будущей операции Брун выделил из резерва четыре обычных подрывных заряда. Кристаллические капсюли, проверенные корпуса, отмеренная смесь — подобными устройствами на базе прежде взрывали камень. Древними бомбами они не были, как и Сферой Забвения. Брун отметил каждый корпус мелом, записал номера в ведомость и потребовал, чтобы на обратном пути ему вернули не только уцелевшие заряды, но и запись о том, где использовали остальные.

— Берёте четыре, — сказал он. — Три на цель, один про запас. Если трёх мало, значит, где-то вы ошиблись. Тогда уходите.

— А если не хватает?

— Вернётесь, принесёте мне настоящие размеры алтаря. По сказкам Грымзы я считать не умею.

Гоблин возмутился.

— Да я на глаз прикинул.

— Вот поэтому.

Цель записали на отдельном листе. Первое: вывести из строя главный алтарный узел храма Нергал и помещения с культовыми сигнальными кристаллами. Второе: по возможности забрать или уничтожить действующие списки связных и поручений, но не задерживаться ради бумаг. Третье: не обрушивать жилой квартал и не переносить взрыв на соседние здания. Четвёртое: отменить операцию, если в алтарном зале окажутся невооружённые прихожане. Пятое: не убивать спящих только потому, что они жрецы. Тех, кто сопротивляется с оружием, придётся обезвреживать в бою; сдавшихся брать в плен, не препятствующих отходу не трогать. Никто за столом не возразил, хотя Лекс видел, чего стоит Клыку требование отличать противника от случайного свидетеля в темноте чужого храма.

У этих ограничений были практические последствия. Клык велел отмечать места, где по ночам могли находиться рабочие и служители, не связанные с передачей приказов. Обнаружат людей в зоне поражения — командир либо перенесёт удар, либо вообще откажется от него. Шило ещё раз спросил о документах: ради списка имён разведчики вправе рисковать собой, но не решать заранее, что случайные жертвы допустимы. Брун слушал с мрачным видом. По его выражению Лекс понял, что мастер уже представлял, сколько придётся переделать, если настоящие размеры алтаря не совпадут с чертежом.

Брун выслушал ограничения с тем особым молчанием, которое у мастеров нередко означало согласие, смешанное с недовольством. Его заряды подчинялись простым правилам, не зависящим от справедливости цели: отсыревший корпус и повреждённый капсюль одинаково опасны и под пустой скалой, и под храмом. Он велел упаковать каждый заряд отдельно, не класть их вплотную к кристаллам связи и не полагаться на удачу при переноске. Четыре устройства записали как выданные, а не как уже израсходованные. Вернуть неиспользованное предстояло под счёт, даже если из рейда люди придут израненными и злыми.

Лекс поставил подпись под планом последним. Она не делала дорогу безопаснее и не освобождала Клыка от решений на месте. Напротив: теперь командир рейда имел письменное право отменить удар, если увидит мирных людей, иной маршрут стражи или препятствие, которого не было на карте. Тем, кто ждал немедленной расплаты, это наверняка покажется слабостью. Лекс представил лица людей в южном крыле, где однажды уже не сумели вовремя остановить чужую жестокость, и оставил подпись как стояла. Право отказаться от плохого плана было важнее самой подписи.

Шило перечитал последнее.

— После южного крыла не все захотят это принять, ты же понимаешь.

— Поэтому и пишем до выхода, — сказал Лекс. — После каждый найдёт себе оправдание.

Проснувшись спустя несколько часов, Клык вернулся к столу и прочитал план от первой строки до последней. Он всё ещё выглядел усталым, но теперь хотя бы не держался за спинку стула, словно та помогала ему стоять.

— Командую я?

— Ты.

— Тогда ещё условие. Пропадёт связь с базой — разрешения на отход я не жду.

— Именно.

— Если на месте цель окажется не такой, как на схеме, — не геройствуем.

— Да.

— И ты не идёшь.

Лекс поднял глаза.

— Я не предлагал.

— Чтобы потом не предлагал. Я тебя знаю.

Шило тихо рассмеялся. Состав группы почти не изменился по сравнению с предварительным расчётом: Клык, Шило, Грымза и пятеро гоблинов, Грук с двумя орками. Одиннадцать человек. Орки не стали скрытнее за время переговоров, зато могли сдвинуть тяжёлую решётку в коллекторе и прикрыть отход, если дело дойдёт до открытого боя. Из шестерых, вернувшихся с Груком от водосбора, он выбрал двоих — тех, кто привык выполнять короткий приказ и ждать, пока командир закончит говорить.

— Это редкий талант? — спросил Шило.

— Очень.

После разговора Клык и Грук снова отправились отдыхать: впереди был переход, для которого одной решимости мало. Их подняли перед рассветом, когда оставалось проверить снаряжение и расписаться за припасы. На складе выдали сухие пайки на семь суток — с запасом на задержки и возвращение, хотя Грымза уверял, что управятся за три. Клык принял их по ведомости; вес разделили на всех одиннадцать человек, учитывая и громоздкие инструменты гоблинов. Воды взяли больше, чем еды. Каждому полагался перевязочный комплект. Тяжёлые доспехи решили оставить: в тесном стоке они только мешали бы. Клык получил двадцать четыре арбалетных болта, Шило — восемнадцать. Гоблины несли ножи, короткие арбалеты и инструмент; орки — короткие топоры и два тяжёлых ножа. С первыми лучами они вышли из ворот, успев выспаться, проверить маршрут и расписаться за всё взятое.

Глава 2. Под алтарём Нергал

Месяц Лаэриэль, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Время: третья ночь после выхода — вечер шестого дня
Место: Стальной Шпиль, подземные стоки и храм Нергал / Небесные чертоги / Красные горы

На третью ночь пути Клык увидел со склона огни Стального Шпиля и приказал остальным залечь ниже гребня. Сам он устроился под сухим кустарником, откуда просматривались северные ворота и часть дороги. На стенах мерцали дежурные кристаллы; поздняя повозка медленно тянулась к заставе, а у ворот менялся караул. Клык следил не за красотой города и не за храмовыми шпилями. Его интересовало, сколько времени стражники тратят на смену и куда после неё уходят. Пытаться почувствовать храм сквозь толщу камня он не собирался: такого умения у него не было, а надежда на него только мешала бы наблюдать.

За три дня отряду дважды пришлось менять маршрут. Один старый лаз оказался затоплен, а в другом месте они почти шесть часов пролежали за осыпью, дожидаясь, пока баронский патруль уберётся с дороги. Ремень снова растёр Груку прежнюю мозоль. Одному из гоблинов придавило камнем палец, и ноготь сорвало так, что повязку пришлось менять уже на следующем привале. Клык отметил оба повреждения: в узких ходах мелкая травма могла обернуться задержкой для всех. До опасных мест они добрались без героических подвигов, зато с обычной походной усталостью, которую нельзя было оставить за порогом подземелья.

Грымза подполз ближе.

— Коллектор ниже. До решётки полчаса.

— Проверял?

— Чик проверил.

— Сам?

— До первой отметки. Дальше не полез. Как договаривались.

Клык ещё трижды проверил нижнюю дорогу через просвет между камнями. Лишь убедившись, что ближайший патруль ушёл и за ним не тянется отставший дозорный, он дал знак спускаться. К старой решётке добрались без разговоров. Она оказалась заперта, и Грымза уставился на замок с таким оскорблённым видом, словно город нарушил данное лично ему обещание.

— Раньше открыто было.

— Три года, — напомнил Клык.

— Всё равно невежливо.

Ломать замок не пришлось. Чик достал тонкие пластины и почти пять минут возился с механизмом, дважды меняя положение руки. Повреждённый ноготь другого гоблина уже мешал тому держать инструмент, поэтому Грымза оставил работу Чику. Клык следил за поворотом коридора, а не за пальцами взломщика: если кто-нибудь выйдет из темноты, звука щелчка всё равно никто не услышит. Наконец замок негромко поддался.

— Вот, — прошептал он. — Вежливость вернулась.

За решёткой пахло сточной водой, мокрой кладкой и чем-то кислым, застоявшимся в боковых нишах. Почти час они шли под храмовым кварталом, осторожно переступая через грязные лотки. Грымза помнил развилки не так уверенно, как говорил на базе: у двух поворотов ему пришлось искать старые метки на стенах. На третьем месте вместо знакомого прохода обнаружилась новая кирпичная перегородка. Обошли её через технический канал, где Груку пришлось снять оружие с пояса, повернуться боком и протискиваться вслед за гоблинами. Клык запомнил узость этого участка. Раненого на руках здесь не пронесёшь без труда.

Перед последней решёткой Клык остановил отряд. Сквозь перекрытие слышались голоса, стук каблуков и короткие металлические звуки — наверху проходил очередной дозор. По шагам он насчитал шестерых, тогда как на старой схеме возле этого участка значились четверо. Дозоров могло быть и больше; последнее число не следовало принимать за точное. После

последних событий храмовую охрану, судя по всему, усилили. Хорошо, что они проверяли путь, а не полагались на память Грымзы.

Грымза показал на боковой слив.

— Там как раз выход на склад приношений.

— Проверенный?

— Сейчас будет.

Вместо всей группы отправили Чика и второго гоблина. Они вернулись через четверть часа.

— У слива никого. Дальнюю нишу загораживают ящики, снаружи не разглядеть. Внутренняя дверь — на засове. На стене сигнальная нитка.

— Магическая?

— Кристалл и медь. Откроешь дверь — сработает.

Грук посмотрел на Клыка.

— Можно сломать стену.

— И поднять весь квартал.

— Тоже верно.

Грымза улыбнулся.

— Вот зачем с собой гоблинов берут.

Грымза осторожно снял деревянную накладку и показал Чику тонкую медную дорожку. Клык не стал делать вид, будто понимает эту работу лучше них. Он лишь потребовал сказать, поднимет ли цепь тревогу при открытии засова. Грымза вставил между контактами перемычку и объяснил: пока она удерживает соединение, сигнальный кристалл не заметит, что дверь открывают. Засов поднимали медленно. На стене ничего не вспыхнуло, но Клык всё равно не счёл путь безопасным.

— На сколько хватит?

— Пока проволока не выпадет.

— Очень обнадёживает.

— Не трогай дверь ногой.

Внутри склада лежали мешки с пожертвованиями, ящики свечей, старое оружие и запечатанные сосуды. Клык увидел на одном клинке ингрийскую насечку и заставил себя пройти мимо. Не за трофеями.

В боковой нише за ящиками спал молодой послушник. Безоружный, в простой рубахе. Грымза вопросительно поднял бровь. Клык показал два пальца: связать, не убивать. Послушника разбудили, зажав ему рот ладонью, стянули руки ремнём и оставили у стены. Он не сопротивлялся, только смотрел широко раскрытыми глазами.

На нём всё и пошло вкривь. Когда гоблины выходили из склада, послушник ухитрился пнуть железный подсвечник. Тот с грохотом покатился по камню.

В коридоре сразу замолчали.

— Запасной план, — тихо сказал Клык.

Клык мысленно пробежал отмеченный Грымзой маршрут: склад западнее алтаря, северная лестница, восточный придел и обратный путь через слив. Он повторил направления вслух, чтобы каждый знал, куда уходить, если их разделят. У них ещё оставалась возможность отказаться от рейда. Но пока обнаружили только шум, а не сам отряд; Клык решил попытаться дойти до цели и не задерживаться ни на минуту дольше необходимого.

Двое стражей пришли на шум сами. Грымза бросил маленький камень в дальний проход. Один страж пошёл проверить. Второй остался. Грук вышел из тени и ударил его рукоятью ножа в висок. Эльф рухнул, но дышал. Второго Шило встретил у поворота, приставив болт к горлу.

— Оружие вниз.

Страж замер. На мгновение показалось, что сдастся. Потом его ладонь вспыхнула синим. Клык выстрелил, прежде чем тот успел закончить заклинание. Болт вошёл под ключицу. Эльф упал. Первый убитый. Не последний.

Оглушённого стражника связали. Клык вернулся взглядом к складу: послушник оставался среди деревянных перегородок и ящиков, которым предстояло оказаться слишком близко к возможному пожару. Оставлять обоих там было нельзя. Грымза показал на схеме нижний каменный отсек за несущей стеной, в стороне от предполагаемого обвала; оттуда отдельная служебная лестница вела к хозяйственному двору. Клык сам дошёл до первого поворота, убедился, что путь пока свободен, и приказал перевести пленников туда. Послушник шёл своими ногами. Оглушённого стражника пришлось нести. Их усадили у стены, ослабили перетянутые ремни и оставили дверь незапертой, без кляпов: если сверху придёт помощь, оба смогут позвать её. Клык ещё раз проверил, дышит ли стражник.

Наверху уже били в тревожный колокол. Тихая часть операции закончилась, и больше нельзя было полагаться на то, что никто не знает об их присутствии. Клык не выяснял, что именно подняло тревогу — выпавшая перемычка, послушник или тот, кто обнаружил тело убитого стража. От ответа на этот вопрос путь к алтарю уже не менялся.

— Быстро к цели, — сказал Клык. — Заряды. Отход. Никакой охоты по кельям.

Они ворвались в зал одновременно с четырьмя храмовыми стражами. Первый орк заслонился деревянной створкой, сорванной по дороге с кладовой двери. От магического удара дерево треснуло, и орк едва удержал его в руках. Грук прошёл следом и ударил топором по рукояти чужого меча, выбивая оружие.

— На пол!

Эльф ответил заклинанием. Бой занял меньше минуты и всё равно успел стать грязным. Два стража погибли. Один получил нож в бедро и сдался после того, как не смог встать. Пока Клык следил за четвёртым, уходившим к боковому приделу, один из орков оттащил сдавшегося по лестнице в тот же нижний каменный отсек к двум другим связанным. Пленного оставили с перевязанной раной, подальше от алтарного зала. Четвёртый успел скрыться за поворотом.

Из кельи вышли пятеро жрецов. К бою они были готовы. Чёрные рясы, у троих в руках — ритуальные посохи с багровыми кристаллами. Старший увидел чужих у алтаря и не стал спрашивать, зачем пришли.

— Кровью заплатите.

Клык услышал, как Грымза ругнулся.

— Заряды! Сейчас!

Гоблины бросились к основанию алтаря, а жрецы ударили первыми. По плитам прокатилась тяжёлая волна холода, затекавшая даже под кожаные перчатки. Чик не успел убрать руку и вскрикнул: кисть обожгло так, будто он схватился за раскалённую железную полосу, только кожа мгновенно побелела от мороза. Шило выстрелил по кристаллу одного из посохов. Болт разбил оправу, камень уцелел, но его свечение заметно дрогнуло. Клык выпустил ещё два болта по жрецам, теснившим гоблинов: один ударился о каменную облицовку, другой заставил ближайшего противника отступить за колонну. Этого оказалось достаточно, чтобы Грымза и его люди вернулись к зарядам.

Грук встретил старшего жреца у ступеней. Топор против магического посоха выглядел плохим выбором, пока орк не заставил противника отступить на полшага. Багровая дуга прошла рядом с его плечом и всё-таки задела предплечье; запахло обожжённой кожей. Грук стиснул зубы, прорвался вплотную и убил жреца. Другой служитель потянулся к ритуальному контуру, пытаясь запустить алтарь целиком. На обсидиане вспыхнули символы, а Клыку показалось, будто воздух стал вязким: вдох давался труднее, хотя дышать он ещё мог.

— От алтаря!

Грымза уже поставил два заряда. Третий гоблин тащил ещё один к опорной плите.

— Не успеваю!

— Двух хватит?

— Не знаю!

— Тогда два! Третий убери. Уходим по первому сигналу!

Гоблин спрятал третий заряд обратно в сумку. Грымза проверил две уже установленные закладки и поднял руку, показывая Клыку, что они готовы. На новую попытку времени не оставалось. Жрец перекрыл лестницу огненной линией, отрезая прямой путь к отходу. Шило, припадая на больную ногу, сместился к стене и дважды выстрелил в сторону придела, не давая стражникам приблизиться к гоблинам. Первый орк нашёл в ремонтной нише мешок с песком и швырнул его в пламя. Огненная полоса не погасла, но на мгновение просела, и Чик успел проскочить к своим, прижимая повреждённую кисть к груди.

К этому мгновению трое из пяти жрецов уже лежали на плитах. Двоих сразили в ближнем бою, а третьего поразил разряд собственного посоха, оправа которого была повреждена арбалетным болтом. Двое оставшихся держались у алтаря, пытаясь удержать ритуальный контур, хотя под основанием уже стояли заряды. Клык крикнул, чтобы они отошли. Ни один не сдвинулся с места. Спорить с ними было некогда: людям Клыка ещё предстояло выйти из-под перекрытий, прежде чем замедлитель отсчитает последние мгновения.

На стене за алтарём Шило успел начертить символы Древних, заранее переписанные Лексом:

«Это только начало ответа. За кровь смертных придётся отвечать».

— Красиво? — спросил Грымза, подпаливая механический замедлитель.

— Уходим.

Когда Грымза привёл замедлитель в действие, Клык начал отсчитывать удары сердца и повёл людей вниз. Он считал не потому, что верил в точность такого времени, а чтобы не потерять последовательность шагов в тесной лестнице. На двадцать втором ударе позади вскрикнул орк: короткий болт ударил ему в спину, но застрял в кожаной пластине доспеха и не вошёл глубоко. На двадцать пятом Грук практически взвалил на плечо Чика, который уже не мог пользоваться обожжённой рукой и отставал. На двадцать седьмом камень под ногами вздрогнул и взрыв толкнул их в спины.

Взрыв прозвучал глухо, словно удар пришёлся в толщу горы. Храм устоял. Зато алтарный подиум провалился, в двух внутренних колоннах разошлись трещины, а свет культовых кристаллов погас. Когда Клык на мгновение оглянулся с лестницы, он увидел, как огонь перебирается по ткани и деревянным перегородкам. Наружных домов отсюда не было видно. Жилой квартал оставался за каменной стеной, которую они специально не собирались обрушивать, но насколько далеко пойдёт пожар, предстояло выяснить позже.

— Резервный заряд? — спросил Клык на ходу.

Грымза похлопал по сумке.

— Оба на месте. Третий не поставили, резервный тоже цел.

— Значит, два возвращаем.

— Скучный ты человек, Клык.

— Зато Брун не убьёт.

Сирена взвыла, когда отряд уже добрался до старого коллектора, и почти сразу сзади послышалась погоня. У развилки преследователи ударили двумя огненными струями. Вода зашипела, поднялся обжигающий пар, перекрывший прежний путь. Клык повёл людей боковым каналом, который Чик отметил ещё на входе. Шило выстрелил по показавшемуся у дальнего поворота силуэту, гоблины прикрыли отход короткими арбалетами. Болты били в решётки и каменные выступы, заставляя противника пригибаться. В тесноте один из гоблинов выронил сумку с инструментами; вернуться за ней значило подставить людей под огонь. Клык коротко приказал идти дальше. Потерю запишут дома — если доберутся.

У решётки Шило оступился. Старая больная нога подломилась, и Клык успел поймать его за ремень.

— Сам.

— Потом будешь сам.

Наружу они выбрались всего за несколько минут до того, как преследователи перекрыли основной сток. Ещё двое суток пришлось уходить от Шпиля, выбирая обходы и места, где можно остановиться не на виду у патруля. У Чика, чью кисть обожгло холодом жреческого заклинания, поднялась температура; повязка быстро намокала, её меняли чаще, чем рассчитывали. Ожог на предплечье Грука воспалился по краям, а каждый рывок рукой отзывался у орка резкой болью. На последнем спуске Клык подвернул левую ногу, и дальше шёл, осторожно перенося вес на правую. Шило половину второго дня опирался на палку и ругался на каждого, кто предлагал подхватить его под локоть. Две фляги потеряли на обратных обходах; ещё один сигнальный кристалл треснул в сумке при отходе. Но всех одиннадцать человек удалось довести до Красных гор.

* * *

Азур почувствовал повреждение храмового узла раньше, чем узнал, где именно произошёл удар. В привычном эфирном потоке возник слабый перекос: не всплеск, а отсутствие одной из нитей, прежде поддерживавших сеть веры. Он вызвал проекцию Айроса и увидел погасшую отметку в Стальном Шпиле. Лишь после этого в общий зал пришла Нергал. Богиня не ворвалась с криком и не потребовала немедленной кары. Её багровый ореол стянулся так плотно, что почти не растекался вокруг человеческого облика. Со стороны это можно было принять за спокойствие, но Азур слишком давно знал Нергал, чтобы ошибиться.

— Мой храм разрушен, — сказала Нергал.

Вельгар перестал вращать монету. Лирна подняла голову. Кователь не пришёл. Его кресло оставалось пустым.

— Не весь, — сказал Азур.

Нергал повернулась к нему.

— Что?

— Внешний корпус стоит. Жилой квартал не обрушен. Уничтожен алтарный узел и часть внутренних помещений.

— Там моих жрецов убили. Пятерых!

— Да.

— И ты собираешься считать стены?

— Я хочу понять, что произошло.

Нергал подошла ближе.

— Смертные вошли в моё святилище. Убили служителей. Оставили послание. И ты будешь спокойно сидеть и считать?

— Потому и нужно разобраться.

Азур развернул над столом схему Стального Шпиля. Известно было слишком мало. Даже бог войны не видел сквозь камень всего происходящего в городе. Через веру до него доходили молитвы, обрывки образов и отклики храмовых узлов, но из этих разрозненных свидетельств нельзя было восстановить бой по минутам. Кто возглавлял отряд и сколько людей ушло живыми, он пока не знал. Это раздражало: враг сумел ударить в точку, которую прежде считали защищённой, и даже теперь не давал ясной картины своего замысла.

— Они могли разрушить гораздо больше, но ограничились алтарём и внутренними помещениями, — сказал Азур. — Не похоже на слепую месть. Прежде чем отвечать, стоит понять, почему они остановились именно там.

Нергал усмехнулась.

— Ты восхищаешься ими.

— Я пытаюсь понять, с кем мы воюем.

Лирна тихо сказала:

— И противник учится.

Нергал резко повернулась.

— Ты тоже?

— Каждый наш удар даёт им повод рассказывать, как смертные выстояли против богов. Я не говорю, что они правы. Но посмотри, что получается. Эти рассказы расходятся быстрее наших приказов.

— Вера, — сказал Вельгар.

— Не та, что нужна богам, — поправила Лирна. — Они начинают доверять друг другу. Верить рассказам. Привыкают к мысли, что сопротивляться имеет смысл. Людям и этого достаточно.

Нергал взглянула на пустое кресло Кователя.

— Он помогает.

Азур тоже задержал взгляд на пустом кресле. Кователь не пришёл — это было известно всем. Значило ли отсутствие, что он помог смертным? Пока никаких доказательств не было, и Азур не собирался заменять их удобным подозрением.

— Пока мы знаем лишь, что он не пришёл, — сказал Азур.

— Он всегда был слишком близок к людям.

— Ты так считаешь.

Нергал зло рассмеялась.

— Теперь ты разговариваешь как этот инженер.

— Значит, порой у него есть чему поучиться.

Вельгар всё-таки подбросил монету.

— Мы можем сколько угодно спорить о формулировках, но человек теперь умеет дотягиваться до храмов. Следующий может быть мой.

— Или мой, — сказала Лирна.

Нергал посмотрела на неё почти с удовольствием.

— Вот и ты наконец испугалась.

— Я осторожна. И у меня есть для этого причины.

— Назови как хочешь.

Азур услышал в их споре знакомый круг: Нергал требовала немедленного ответа, остальные оценивали цену, и никто не видел всей картины. Продолжать разговор без тех, кто отвечал за Договор и древние системы, было бессмысленно.

— Нужен полный Совет.

Тишина изменилась. Верховный не являлся на мелкие споры. Сильванус редко приходил в закрытые чертоги без веской причины. Кователь теперь и вовсе избегал общих заседаний. Собрать всех значило признать: происходящее уже не сводится к бунту одного смертного.

— Через три дня, — сказал Азур. — В Чертоге Вечности. Поговорим о Лексе, но не только. О том, что допускает Договор. О культах и аватарах. И о том, что происходит с древними системами.

Нергал прищурилась.

— Ты решил командовать пантеоном?

— Я назвал день. Хочешь другой — говори.

Она молчала. Лирна первой кивнула.

— Три дня.

Вельгар поймал монету и спрятал.

— Я приду.

Нергал медленно опустилась в своё кресло.

— Три дня. Но если за это время они ударят снова…

— Тогда узнаем о них ещё кое-что, — сказал Азур.

Она посмотрела так, будто хотела убить его одним взглядом. Азур не отвернулся. Когда остальные ушли, он остался у проекции Айроса. Красные горы были одной отметкой среди тысяч, слишком маленькой для стольких тревог. Он увеличил нужный участок и ничего нового не увидел. Это раздражало сильнее любых загадок. Инженер не был пророчеством и не был богом. Он оставался смертным, который после каждой ошибки менял способ действия, а на войне это качество стоило дороже силы.

Азур погасил проекцию. Через три дня им придётся наконец говорить не о том, как наказать одного человека, а о том, почему наказание до сих пор делало его опаснее.

* * *

Клык вернулся под вечер шестого дня после выхода. Лекс заметил отряд с верхней площадки ещё до условного сигнала внешнего поста: Грук возвышался над остальными, а Грымза ругался достаточно громко, чтобы ветер приносил отдельные слова. Все шли на своих ногах, но шаг у нескольких был тяжёлым, а Шило заметно прихрамывал. Лекс машинально пересчитал фигуры на тропе и лишь после одиннадцатой позволил себе выдохнуть.

Во внутреннем дворе уже готовили место для осмотра. Влада вышла с двумя помощниками, велела сложить снаряжение отдельно и сразу разделила вернувшихся на тех, кто способен подождать, и тех, кого необходимо осмотреть первым. Лекс хотел задать Клыку вопрос о храме, но остановился: людей ещё не накормили и не перевязали. Отчёт никуда не денется, а воспалившаяся рана ждать не станет.

— Я сам, — сказал Шило.

— Ты всегда сам. Садись.

— Нога у меня и так больная.

— Зато отёк свежий.

Шило нехотя сел. Клыку тоже не удалось пройти мимо Влады: левую лодыжку осмотрели и перевязали, велев несколько дней не нагружать её без нужды. С Чика осторожно сняли старую повязку. Кисть распухла, пальцы сгибались не полностью, и гоблин побледнел, когда Влада попросила сжать кулак. Она промыла повреждённую кожу, сменила повязку и запретила ему работать с замками до спадения жара и возвращения подвижности. Грук позволил осмотреть предплечье лишь после короткого спора. Влада объяснила ему, что воспаление — не оскорбление воинской чести, а причина заняться лечением прежде, чем рука перестанет слушаться.

Потом настало время отчёта. Коротким «всё чисто» Клык не отделался: положил на стол ведомость.

— По храмовому рейду вышло одиннадцать, вернулось одиннадцать, — начал Клык. — Из шести орков, пришедших с нами после посольства, Грук взял двоих, четверо остались на базе. Погибших нет. Чик обжёг кисть, на обратном пути поднялась температура. У Грука глубокий ожог предплечья, края воспалились. Шило перегрузил старую ногу, я подвернул левую. Один из орков получил болт в спину: броня удержала, остались синяк и царапина. Потеряли один набор гоблинского инструмента.

— Боеприпасы?

— У меня минус три болта. У Шило — четыре. Гоблины потратили пять коротких. Подрывных зарядов взяли четыре, использовали два, два вернули. Один сигнальный кристалл треснул на отходе. Две фляги потеряли. Сухих пайков осталось на один день.

Брун, сидевший напротив, сразу протянул руку.

— Заряды.

Грымза достал свёрток.

— Два. Оба целы, как и обещали. Даже не поблагодаришь?

— Поблагодарю, когда проверю капсюли.

— Вот поэтому дворфы скучные.

— И живут дольше твоих долгов.

Клык продолжил.

— Цель поражена. Алтарный узел разрушен, два внутренних помещения обвалены. Внешний корпус храма остался стоять. Пожар начался; насколько далеко пошёл огонь, мы не видели. Пятеро жрецов погибли в бою и при подрыве. Стражников убито трое, двоих оставили связанными живыми, один ушёл в придел до взрыва. Послушника на складе тоже оставили живым, в нижнем отсеке, где был выход к хозяйственному двору. После тревоги могли пострадать другие люди — подтвердить это мы не можем.

Лекс медленно выдохнул. Числа не были поводом для радости. Но и скрывать их за словом «успех» он не собирался.

— Невооружённые прихожане?

— В алтарном зале не видели. На складе был один послушник. Связали, не убили. Именно он и поднял шум.

— Послание?

— Оставили.

— Какое именно?

Шило процитировал. Лекс кивнул. Грук спросил:

— Доволен?

Лекс подумал.

— Сделали, что собирались. Вернулись все. Этому я рад. А тому, что погибли люди, пусть и враги, радоваться не могу. За дело пришлось заплатить.

Грук пожал плечами.

— Лишь бы не зря заплатили.

— Да.

На карте Стального Шпиля разрушенный храм занимал едва заметную отметку среди кварталов, ворот и дорог. Лекс провёл пальцем вдоль ближайших стоков, представляя, сколько постов там появится после этой ночи. Город заплатит за оборону, а им придётся платить за любой следующий шаг.

— И теперь цена вырастет. Шпиль усилит храмы, стоки, внутренние посты. Второй раз так не войдём.

— Мы и не собираемся повторять этот рейд один в один.

— Хорошо.

Лекс закрыл журнал. Прежде чем решать, что дальше, нужно было вылечить раненых, выспаться и разобрать ошибки.

У двери связист ждал с ещё одним сообщением.

— От Айрин?

— Нет. От дома Силь'Верен. Они подтвердили, что получили сведения о взрыве. Просят до следующего обмена сведениями объяснить, зачем мы напали на храм.

Лекс посмотрел на Клыка.

— Вот и первый счёт.

— Только объясни толком.

— Айрин меня убьёт.

— Если рука позволит.

Шило негромко фыркнул, но Лекс уже придвинул чистый лист. В письме он перечислил только то, что мог подтвердить: культовая сеть распространяла обращения против Красных гор, а храм Шпиля был одним из её крупных узлов. Удар направили по алтарю и помещениям, через которые передавали распоряжения; жилые кварталы целью не являлись. Сам храм выбрали задолго до покушения на Айрин. После нападения изменили срок рейда, но не

его задачу. Лекс особенно тщательно вывел последнюю строку: доказательств участия Нергал в покушении у них нет. Написать обратное было бы легче, но Айрин как раз ради такого различия и спорила с эльфами.

Последнюю строку он перечитал дважды. Потом добавил: «Если наши действия создали угрозу вашему дому, готов обсуждать последствия отдельно. Подписанное соглашение не обязывает вас оправдывать наш удар».

Клык прочитал через плечо.

— Неплохо.

— От тебя это почти признание.

— Не привыкай.

Лекс передал лист связисту. Тот замялся.

— И ещё одно. Письмо на ваше имя, передали через посредников. Без знаков отправителя.

— Откуда?

— Неизвестно. В письме упоминается трактир «Сломанное копьё».

Лекс развернул письмо и успел прочесть только первые строки: «Лексу, Красные горы. У меня есть сведения…» Трактир уже был знаком Лексу по сообщению Айрин. Лекс удержался от желания немедленно расспросить связиста, хотя тот явно знал не больше него. Он сложил лист и убрал отдельно от официальных донесений. Завтра можно будет разбираться, кто ищет с ним встречи и зачем.

— Утром, — сказал Лекс. — Сейчас нужно проверить наших раненых.

Связист ушёл. На карте по-прежнему оставалось слишком много красных отметок, но Лекс не стал смотреть на них снова. Сегодня важнее было убедиться, что одиннадцать вернувшихся действительно смогут проснуться утром, что у Чика не поднимется жар и что у Грука не пропустят воспаление, пока все радуются благополучному возвращению. О письме из Механоса он помнил. Просто впервые за долгое время мог позволить не отвечать неизвестному врагу в ту же минуту, когда тот постучал в дверь.

Глава 3. Цена союза

Конец месяца Лаэриэль, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Время: неделя после покушения — заключение дополнительного соглашения
Место: Лесной дворец дома Силь'Верен

Айрин проснулась от неприятного онемения в левой руке. Во сне она осторожно прижимала её к боку, но стоило повернуться на другой бок, как пальцы начинали неметь под повязкой.

Боль стала тише и глубже, напоминая о себе главным образом при неловком движении. Хуже было ощущение, будто кисть на время перестала принадлежать ей. Несколько мгновений Айрин смотрела на переплетённые ветви потолка гостевой комнаты, затем приподняла здоровой рукой край одеяла и осторожно пошевелила пальцами. Ещё недавно она сама расспрашивала больных, что те чувствуют по утрам после перевязки; теперь приходилось терпеливо отвечать на собственные вопросы.

Большой палец. Указательный. Средний. Безымянный. Мизинец.

Все пять слушались, хотя мизинец отозвался с неприятным покалыванием. Айрин подождала, пока оно пройдёт, и только после этого позволила себе выдохнуть.

— Ещё раз, — сказала Серафима от окна.

Айрин повернула голову. Серафима сидела у окна на низком табурете, обхватив ладонями кружку с остывшим настоем. Под глазами залегли серые тени. Со дня нападения в роще прошла неделя. Кровь из носа больше не шла, но яркий свет к вечеру всё ещё вызывал у Серафимы боль, а после долгих разговоров начинало ломить виски. Жрица называла это обычной усталостью и сердилась всякий раз, когда ей советовали поберечься. Вчера она даже не дочитала вечернюю молитву до конца: остановилась посреди строки, прижала пальцы к виску и сделала вид, что просто забыла слова. Айрин не стала её поправлять.

— Ты спала? — спросила Айрин.

— Я про твою руку спросила, не про сон.

— Значит, нет.

— Значит, мы обе отвратительные пациентки. Пальцами пошевели.

Айрин послушно разогнула пальцы, один за другим, не пытаясь скрыть болезненный отклик в предплечье. На лице Серафимы отразилось удовлетворение, но жрица всё равно придвинулась ближе: одного удачного движения для вывода о выздоровлении было мало.

Серафима села на край ложа и принялась развязывать повязку. Работала точно, не спеша, чтобы присохшая ткань не потянула зажившую кожу. Четыре шва сразу после нападения наложил старший лесной лекарь; с тех пор она следила за состоянием раны и за тем, чтобы Айрин не проверяла её прочность каждый раз, когда забывалась. Края разреза уже стянулись, покраснение уменьшилось, однако мышца предплечья всё ещё болела при повороте кисти. Натягивать тетиву, резко выворачивать руку или поднимать тяжёлый щит было рано. Айрин и сама это прекрасно понимала; хуже всего оказалось подчиняться ограничениям, которые столько раз назначала другим.

— Красноты меньше, жара нет, кисть тёплая, — сказала Серафима. — Становится лучше. Но геройствовать тебе всё ещё нельзя.

— Значит, сегодня можно выезжать.

— В повозке и с остановками. И повязку менять в дороге, — возразила Серафима. — А не верхом во весь опор, будто за нами снова гонятся убийцы. Не хватало потом разбирать швы посреди перевала.

Айрин взглянула на неё.

— Совет через час.

— Потому и меняю повязку сейчас. После Совета поедим, проверим воду и припасы — тогда можно выезжать. Только попробуй изображать здоровую: попрошу Лаэрона не подпус-

кать тебя к поводьям. У него с одной работающей рукой это выйдет убедительнее, чем у большинства целых и невредимых.

— Он слишком воспитанный, чтобы спорить.

— Его отец — нет.

Тут возразить было нечего.

За дверью прошёл слуга, и ветви стены тихо прошелестели. Лесной дворец не был живым существом, как уверяли городские сказители: деревья здесь росли вокруг старых каменных опор, а маги дома десятилетиями направляли их рост. Но смотреть, как корни без скрипа смыкают створку, Айрин всё ещё было непривычно. За неделю она успела понять, какие плетения открывают слуги, а к каким даже дотрагиваться гостям не полагалось. У такого дома были свои правила, столь же строгие, как у крепости Красных гор, только вместо засовов здесь служили ветви и семейные знаки.

При всей непривычности такая дверь закрывалась тихо и надёжно. В другой день Айрин обязательно спросила бы местного мастера, как он добивается этого без металлических петель. Сейчас мысли занимало предстоящее заседание.

— Боишься? — спросила Серафима.

Айрин не стала спрашивать, боится ли она новой дороги, завтрашнего дня или ещё одной встречи с людьми в чужих плащах. На каждый из этих вопросов ответ был одинаковым.

— Да.

— Хорошо.

— Вы с Кор-Думом сговорились?

— Нет. Просто он старше нас и раньше это понял.

Айрин усмехнулась, но тут же вспомнила о бумагах, оставленных на столике возле ложа, и улыбка исчезла.

Первое, ограниченное соглашение подписали в день покушения, после допроса пленного. Оно уже действовало: обмен проверенными сведениями, согласованные пути эвакуации гражданских, взаимная передача лекарств и инструментов по ведомостям. Воинов дом Силь'Верен не обещал. Сегодня обсуждались не новые клятвы, а точные пределы уже данных обещаний. После разрушения храма Нергал старейшины хотели знать, не втягивают ли Красные горы лесной дом в чужую войну. Айрин намеревалась добиться ответов и на свои вопросы, прежде всего о том, кто вправе распоряжаться сведениями и как быстро окажут помощь, если случится беда.

За прошедшую неделю работы хватило всем. Миртаэль разбирал вещи убитых, имущество пленного и протоколы допроса. Эл'арион проверял поддельное письмо от имени Лекса. Лаэрон составил перечень ошибок охраны, но сам теперь едва мог поднять правую руку; лекарь запретил ему пользоваться повреждённым плечом. Серафима следила, чтобы он не забывал о перевязи, даже когда уходил с докладом. Из Красных гор пришёл письменный ответ на вопросы об ударе по храму. Лекс не просил эльфов оправдывать его действия и прямо признавал: ни одно подписанное обязательство не делает дом Силь'Верен ответственным за военные решения общины. Айрин была благодарна ему прежде всего за эту ясность.

Она перечитала ответ несколько раз, прежде чем убрать его к остальным документам. Теперь спор о цене соглашения можно было вести отдельно от её раны и тревоги Силь'вариэна. Но ночью рассудок помогал хуже. Стоило задремать и неловко повернуть левую руку, как вспоминалось скользнувшее по наручу лезвие, резкая боль и внезапная слабость пальцев. Айрин знала, что рана затягивается, и всё же просыпалась раньше, чем успевала убедиться в этом. Она не рассказывала Серафиме о каждом таком пробуждении: жрице и без того доставало собственных бессонных часов.

Она позволила Серафиме закончить перевязку и встала.

Перед выходом Айрин ещё раз проверила перевязь. Ткань оставалась сухой, но под швами тянуло при каждом неосторожном движении. Записную книжку она переложила в пра-

вый карман, чтобы не тянуться к ней больной рукой, и задержалась у зеркала из отполированного тёмного камня. На неё смотрела не принцесса с придворного портрета, а усталая женщина, которой предстояло вести переговоры, стараясь не опираться на левую руку. Айрин поправила ворот. Она проверила, может ли открыть книжку одной рукой, и направилась к двери.

Серафима подала ей воду, даже не спросив разрешения. За неделю после рощи они научились помогать друг другу без долгих благодарностей. Айрин не просила жрицу облегчить боль новым чудом; та, в свою очередь, перестала делать вид, что лекарь не нуждается в помощи. На столе лежал запас чистой ткани для дороги. Айрин проверила свёрток взглядом и удержалась от привычного желания перепаковать его самостоятельно. Серафима всё заметила и ничего не сказала. Это молчание было добрее любых уверений, что всё наконец осталось позади.

В коридоре послышались шаги эльфийской стражи, и Айрин невольно замедлилась. Прежде размеренная поступь караульных успокаивала; после нападения она первым делом искала глазами ближайший выход. Это не делало каждого стражника виновным в случившемся, но собственное тело оказалось упрямее рассудка. Серафима остановилась рядом и не стала уговаривать её идти быстрее. Айрин дождалась, пока караульные минуют поворот, поправила перевязь и сама направилась к залу Совета.

— Пойдём.

— Ты не спросила, что я думаю о договоре.

— Думаю, скажешь всё равно.

— Да уж, умею я выбрать время, чтобы высказаться.

— Зато честно. Учусь у Лекса.

Серафима вздохнула.

— Тогда коротко. Если за новые условия потребуют оправдать удар по храму, не соглашайся. И не позволяй никому обвинять Нергал в покушении без доказательств. Нас там не было, а погибшим от поспешных обвинений легче не станет.

Айрин остановилась у двери.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

— Храм выбрали целью ещё до покушения; это я скажу прямо. Но доказательств, что Нергал посылала тех семерых в рощу, у нас нет. И ты меня знаешь: чужое предположение за заключение лекаря я не выдам.

Серафима кивнула.

— Вот теперь можно идти.

* * *

Зал Совета встретил Айрин не торжественной тишиной, а шорохом бумаги и негромкими спорами у дальнего края стола.

Старейшины дома Силь’Верен сидели не рядами, как на первой аудиенции, а за длинным столом, выращенным из одного толстого корня. Перед каждым лежала копия первого соглашения и проект дополнительных условий. На отдельных листах краснели пометки, кое-где строки были перечёркнуты и переписаны на старом эльфийском. Рядом стояли цифры: сроки доставки, число людей на пограничных постах, вместимость перевалочных стоянок. Айрин чуть успокоилась. Человек, который готов считать, по крайней мере признаёт, что за словами последует работа.

Силь’вариэн занимал место во главе стола. Рядом стоял Эл’арион с тремя свитками под мышкой; Миртаэль сел чуть в стороне, так, чтобы видеть двери и окна. После покушения охрану удвоили. Айрин больше не принимала это за доказательство силы дома: скорее, за признание, что прежней оказалось недостаточно. У дверей стояли два новых караульных, незна-

комых ей по прежним аудиенциям, и она невольно отметила, как часто они переглядываются с Миртаэлем.

Лаэрон вошёл вместе с ней и остановился за правым плечом отца. Повреждённая рука по-прежнему покоилась на перевязи, поэтому копии договора нёс молодой архивист. Лаэрон бросил Айрин ободряющий взгляд, но ближе не подошёл: здесь он был сыном главы дома и официальным связным, а не просто спутником, плечо которого она помогала перевязывать.

— Садись, — сказал Силь'вариэн Айрин.

Это было новым. На прежних аудиенциях Айрин стояла перед старейшинами, пока они задавали вопросы. Теперь её приглашали за стол, где обсуждали обязательства двух сторон.

Она села.

— Начнём с храма, — произнёс глава дома.

— Начнём.

— Твои люди убили пятерых жрецов Нергал и троих стражников. Разрушили алтарный узел. Подожгли часть внутренних помещений.

— Да.

— И ты утверждаешь, что это не было ответом на покушение в роще.

— Покушение ускорило решение. Но цель выбрали раньше. Лекс подтвердил это в письменном ответе вашему дому, и я не стану утверждать обратное только потому, что после нападения мне было бы легче оправдать любую месть.

Миртаэль поднял глаза от листа.

Айрин продолжила:

— Из разных мест поступали сообщения: жрецы Нергал повторяют одинаковые слова о «враге Тёмной владычицы», собирают сведения о Красных горах, а культовые узлы пытаются восстановить связь с утраченным аватаром. Это не делает всякого верующего нашим врагом. Но храм, через который передавали распоряжения враждебной сети, нельзя считать просто местом молитвы.

— Удобное различие, — сказал Миртаэль.

— Различать придётся, нравится это вам или нет. Если начнём судить только по тому, кому человек молится, а не по тому, что делает, скоро ничем не будем лучше тех, от кого защищаемся.

Эл'арион тихо хмыкнул.

Силь'вариэн перевёл взгляд на Серафиму.

— Ты подтверждаешь?

— Подтверждаю лишь то, что видела сама или прочла в полученных донесениях, — ответила Серафима. — В решении о рейде я не участвовала. Связь храма с культовой сетью подтверждали несколько сообщений. А участие Нергал в покушении на Айрин никто не доказал.

Силь'вариэн медленно кивнул.

— Это уже совсем другой разговор.

— Поэтому и предлагаю обсуждать военные действия Красных гор отдельно от нападения на меня, — сказала Айрин. — Иначе вы невольно припишете нам обвинение, которого мы сами не выдвигали.

Он перевернул первый лист нового протокола.

— Тогда второй вопрос. Кто отвечает за решения Красных гор?

Айрин почти улыбнулась.

— Опять?

— Опять.

— За лечение отвечаю я, за оборону — Клык. Мастерскими ведают Кор-Дум, Зураб и те мастера, которым поручен участок. В походе решает назначенный командир, по общим

вопросам — наш Совет. Лекс у нас не король, и уж точно не вправе обещать за всех то, чего никто не обсуждал.

— Но его слово весит больше.

— Иногда его слово весит больше других. Моё тоже, когда речь о раненых. Клыка слушают по вопросам безопасности, Кор-Дума — когда нужен металл и мастера. А Марфа быстро объяснит любому, почему нельзя обещать зерно, которого нет на складе.

Несколько старейшин переглянулись.

Силь'вариэн постучал пальцем по строке.

— Значит, если Лекс нарушит договор, ваш Совет может отменить его решение?

— Может остановить выполнение решения и потребовать нового голосования. Может снять его с командования конкретным походом. А если Лекс вздумает распоряжаться крепостью как собственной кузницей, — я с ним первая поспорю. Правда, кузница тоже принадлежит не ему.

Лаэрон опустил голову, скрывая улыбку.

— И он это терпит? — спросил Эл'арион.

— Иногда даже слушает.

В зале впервые за утро тихо рассмеялись.

Смех быстро стих.

Вернулись к приложению. Годичный срок первого договора и отсутствие военных обязательств никто не предлагал пересматривать. Силь'вариэн напомнил: алтарь Нергал в Стальном Шпиле разрушен, однако подписи под соглашением от этого не исчезли. Новые условия должны определять порядок помощи, а не превращать прежнее обещание в нечто иное.

Айрин читала договор так же внимательно, как описание неизвестного лекарства. «При необходимости» не отвечало, кто решает, что она наступила. «По возможности» не называло срока. «В пределах достаточного» оставляло каждому право объявить чужую беду преувеличенной. Она попросила писаря прочесть один из пунктов вслух, а потом вернуть перо и записать уточнение. Силь'вариэн не возражал, зато двое старейшин переглянулись: они явно не ожидали от гостьи такого упорства в мелочах.

Некоторые старейшины охотнее говорили о достоинстве дома и свободе древних дорог, другие сразу спрашивали о запасах и сроках. После Кристаллических полей она хорошо помнила, как выглядит обещанная помощь, если нет людей, способных доставить её через перевал, и ведомости, где указано, кому она предназначалась. В Красных горах лекарства тоже терялись, посыльные тоже путали сумки, а усталый караульный мог отправить прибывших не в тот отсек. Поэтому Айрин добивалась конкретного: кто принимает груз, кто сверяет печать, кто подписывает расход.

Серафима сидела рядом и время от времени касалась пальцем строки, где речь шла о раненых и неспособных идти самостоятельно. Айрин возвращалась к таким пунктам даже после того, как собеседники считали их закрытыми. Она не просила милости для себя: в Красных горах оставались дети, старики и больные, которым невозможно объяснить отказ ссылкой на старинное толкование слова «убежище». Старейшины согласились обсуждать объёмы помощи по отдельным ведомостям.

Первый новый пункт определял пределы невмешательства. Дом Силь'Верен не нападал на Красные горы и не отправлял людей в карательные походы баронов без отдельного решения своего Совета. Красные горы не использовали лесные тропы для военных операций без разрешения дома. Обмен подтверждёнными сведениями о крупных отрядах, культовых сетях и угрозах мирным жителям уже был обещан. Теперь нужно было записать, кто отвечает за источник сведений и насколько открыто их можно передавать.

— «Подтверждёнными», — повторил Миртаэль. — Кто подтверждает?

— Передающий указывает источник и степень достоверности, — ответила Айрин. — Не имеет права назвать свидетеля — пусть так и пишет. Но не выдаёт слух, услышанный на постоялом дворе, за собственное наблюдение.

— Это неудобно.

— Зато будете знать, на что можно положиться.

Миртаэль долго смотрел на неё.

— В этом мы, пожалуй, согласны.

Затем занялись полномочиями Лаэрона как официального связного дома. Силь'вариэн требовал дать сыну право немедленно приостановить передачу опасных сведений, если Красные горы используют их не по назначению. Айрин настояла, чтобы в протоколе отдельно указали: приостанавливается конкретный канал, а не всё соглашение, и о причине сразу сообщают обеим сторонам. Лаэрон не получал права единолично расторгать договор. При словах «немедленно сообщают» он чуть поморщился: кому, как не ему, придётся искать действующий кристалл связи среди ночи.

Айрин добилась и ответного положения: если дом Силь'Верен передаст заведомо ложные сведения, ведущие людей в засаду, передачу по такому каналу приостановят до разбора. Непроверенную ошибку и сознательный обман при этом надлежало различать. Айрин слишком хорошо знала, что в тревожные дни и самая добросовестная разведка способна ошибиться.

— Ты ожидаешь, что мы станем лгать? — холодно спросил один из старейшин.

— Я допускаю, что союзник может ошибиться или испугаться, а иной раз решит, что его интересы важнее наших. Мы тоже от этого не застрахованы. Потому и записываем правила сейчас, когда нам ещё есть что обсуждать спокойно.

На этот раз никто не возразил.

Самым тяжёлым оказался пункт о беженцах.

Первый договор уже предусматривал согласованную эвакуацию гражданских, но не называл конкретных выходов. Дом не хотел превращать эту обязанность в обещание принять всех, кто побежит из Красных гор: лесные поселения не могли без подготовки приютить тысячи людей. Айрин понимала возражение и не собиралась превращать его в проявление вражды. Она развернула схему, которую подготовила ещё на базе, и предложила три аварийных пути для детей, тяжелораненых и тех, кто не способен держать оружие, на случай разрушения поселения. На карте рядом с каждым вариантом стояли условные отметки воды и возможных стоянок; Айрин сознательно не рисовала лесные селения, о которых не имела точных сведений. Право выбрать безопасный маршрут оставалось за хозяевами этих земель.

Силь'вариэн отказал.

Айрин не повысила голос.

— Почему?

— Потому что эти маршруты ведут к нашим поселениям.

— Тогда не к поселениям. К таким местам, откуда наши люди смогут уйти дальше.

— Это всё равно риск.

— Да. И я не прошу делать вид, будто его нет.

— Ты легко говоришь о риске моих людей.

— Нелегко. Меня чуть не убили на вашей земле, и чужую войну сюда привезла я. Думаешь, я забыла? Я не прошу вас платить за моё решение. Прошу найти место, где можно будет спасти тех, кто сам никого не убивал.

Силь'вариэн замолчал.

Айрин положила здоровую руку на стол.

— Не прошу распахнуть ворота всем. Давайте сейчас решим, куда вести детей, если наши тоннели завалит. Пока можно посмотреть карту, выбрать стоянки, договориться с проводниками. Не тогда, когда семьи уже окажутся у ваших деревьев и времени на спор не останется.

Эл’арион первым попросил карту.

Через четверть часа сошлись на одном маршруте. Дом соглашался открыть сведения о нём только Лаэрону и двум назначенным проводникам Красных гор; остальные могли получить указания лишь при необходимости эвакуации. Пользоваться тропой разрешалось при прямой угрозе уничтожения поселения. Вооружённые отряды по ней не проходили, делать копии карты запрещалось. Айрин ещё раз перечитала условия: это было меньше, чем она просила, но больше, чем у них имелось утром. Проводников предстояло назначить Совету Красных гор и отдельно убедиться, что они действительно умеют вести по такому пути людей, а не только отряд бойцов.

Айрин поставила отметку о согласии напротив этого пункта. Эл’арион внёс в протокол, кто будет знать маршрут и под чьей печатью его сведения останутся на хранении. Она дождалась, пока писарь закончит строку, и только тогда отложила схему. Во время бегства некогда выяснять, кто имел право рассказать о повороте, а кто забыл поставить подпись.

Последним остался вопрос, которого Айрин ждала с самого начала заседания, хотя обсуждать его хотелось меньше всего.

— Ингрия, — сказал Силь’вариэн.

У дальнего края стола стих шелест бумаги.

— Что именно?

— Ты называешь себя Айрин ди’Ингрия. Дом признаёт твоё происхождение. Но признать тебя королевой мы сможем только по решению народа и в установленном законом порядке.

— Хорошо.

Несколько старейшин переглянулись: по их лицам Айрин поняла, что такого простого ответа они не ожидали.

— Только «хорошо»? — спросил Эл’арион.

— Я сюда и не приехала требовать корону.

— Но когда-нибудь потребуешь.

Айрин ответила не сразу.

— Когда-нибудь я потребую, чтобы ингрийцы сами решили, что осталось от их страны. За короной я не приехала.

— Тогда и здесь договорились, — сказал Силь’вариэн.

Силь’вариэн подписал дополнительный протокол и поставил рядом печать. Айрин подписала текст от имени Совета Красных гор. Под её именем значилось: «Член Совета. Уполномочена на переговоры решением Совета». Она подождала, пока чернила подсохнут: левой рукой придерживать лист было больно, и писарь поддержал край сам. Айрин представляла общину, а не корону Ингрии; её полномочия были записаны и потому могли быть проверены. Это казалось ей куда надёжнее любого признания, данного под впечатлением от чужой родословной.

Годичный срок первого соглашения остался прежним. Новый протокол уточнял обязанности сторон и порядок обмена сведениями, но не вступал в силу сам по себе: его ещё должен был подтвердить Совет Красных гор. Пока действовал первый договор, независимо от того, как быстро утвердят дополнения. Айрин попросила архивиста подготовить отдельную заверенную выписку и для её Совета. Подписи двух переговорщиков не давали им права обещать за чужих людей то, чего те не обсуждали. Она слишком хорошо понимала цену такой самоуверенности, чтобы радоваться одной только красоте печатей.

Айрин снова взглянула на запись о собственных полномочиях. Длинный титул занял бы куда больше места.

Она весила меньше короны.

И больше обещания, которое один человек мог дать от чужого имени.

* * *

После Совета Силь’вариэн задержал Айрин у выхода.

Старейшины разошлись, унося исписанные черновики. Архивист принял на хранение основной договор и подписанный протокол. Лаэрон, придерживая перевязь здоровой рукой, указал ему на копии для посольства; остальные оставались в доме. Серафима ждала у двери, не вмешиваясь.

Глава дома долго смотрел на собственную печать.

— Моя дочь живёт в Стальном Шпиле, — сказал он наконец, понизив голос так, чтобы разговор остался между ними.

Айрин не ответила сразу.

— Лаэрон говорил.

— Он знает только, что она замужем за сыном одного из наместников. Не знает всего.

Силь’вариэн провёл ладонью по лицу, и Айрин впервые за день увидела в нём не главу древнего дома, а усталого отца. Перед Советом он ни словом не обмолвился о дочери, хотя наверняка думал о ней всякий раз, когда упоминали Магистериум.

— После смерти Вэл’Шана там начались проверки. Теперь, после взрыва храма, станет хуже. Узнает Магистериум о договоре — может сделать её заложницей. Возможно, уже сделал. Я не знаю, кто сейчас входит в её дом, кто читает письма, доходят ли до неё мои послания.

Айрин поняла, почему он заговорил об этом только после подписания. Будь то просьба отказаться от договора, он поставил бы её раньше, перед всеми. Сейчас Силь’вариэн называл цену, которую собирался платить сам, и не требовал, чтобы она освобождала его от выбора.

— Ты хочешь, чтобы я что-то сделала?

— Нет.

Он сказал слишком быстро и сам это понял.

— Я хочу, чтобы ты знала цену.

Айрин кивнула.

— Знаю не всю. Но эту — теперь знаю.

— Этого достаточно.

Айрин удержалась от слов утешения, которые слышала слишком часто за годы войны: Лекс что-нибудь придумает, мы непременно спасём, всё ещё обойдётся. Силь’вариэн слишком хорошо знал, сколько стоят клятвы, данные за чужой счёт. Она могла лишь запомнить сказанное и не притворяться, что одного желания достаточно.

У двери Силь’вариэн добавил:

— Лаэрон останется с вами.

— Это записано.

— Я говорю не как глава дома.

Айрин обернулась.

— Тогда как отец?

— Да.

— Я не могу обещать, что он вернётся.

— Знаю.

— Могу обещать, что его не пошлют на смерть лишь потому, что он эльф и его не жалко.

Силь’вариэн закрыл глаза на мгновение.

— Этого тоже достаточно.

Глава 4. Союзы на условиях

Конец месяца Лаэриэль — начало Менельмоса, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры

Время: после храмового рейда — возвращение посольств

Место: Стальгорн / Пылающие степи / база в Красных горах

Новость о разрушенном храме Нергал добралась до Стальгорна раньше Кор-Дума. Во второй раз он отправился к кланам уже после возвращения отряда Клыка, прихватив заверенную копию первого решения Совета и свежие торговые ведомости. Дорога заняла четверо суток. За это время на постоялых дворах ему трижды пересказывали одну и ту же новость, каждый раз добавляя новые подробности: то храм якобы сгорел дотла, то вместе с ним рухнула половина города. Кор-Дум слушал, но спорить не брался. Сам он там не был, а значит, подтвердить мог лишь то, что привёз в бумагах. Карты Хельги остались в Красных горах под печатью: возить их мимо застав ради ещё одного заседания было бы глупостью.

В подгорном зале Совета уже спорили. Первое решение о нейтралитете Стальгорна никто не отменял, и четыре печати на документе по-прежнему имели силу. Однако после удара по храму Магистериум вполне мог потребовать прекратить торговлю с Красными горами. Кор-Думу предстояло защитить не право клана воевать за Лекса, которого ему никто не давал, а куда более земное дело: заказы мастерских, дорогу для малых караванов и право людей получать плату за свой труд. Вопрос казался простым лишь тем, кто никогда не ждал металла для срочного ремонта.

Пока никто не пустил в ход кулаки.

Боргун Железный Лоб из Красного Камня стоял, упершись обеими ладонями в стол, будто надеялся удержать его от чужих доводов одним собственным весом.

— Да не о Нергал я говорю! — повторял он. — Плевать мне, какой богине молятся наверху. Красные горы объявят святотатцами, торговлю потребуют закрыть. Кто кланам возместит убытки, если мы этих рынков лишимся?

Хельга Стальная Коса сидела напротив.

— Никто.

— Наконец-то разумный ответ.

— Потому каждый клан сам и решит, за какой риск готов платить.

Боргун прищурился.

— Платить?

— Всё имеет цену, — ответила Хельга. — Даже твоя осторожность. Если завтра Магистериум потребует не торговать с людьми вообще, ты подчинишься? Или сперва спросишь, кто возместит кузницам простой?

— Если иначе со Шпилем воевать придётся — да, подчинюсь.

— А послезавтра потребуют выдать молодых мастеров, которые уже работали в Красных горах?

Боргун не ответил сразу.

Кор-Дум остановился у стены. Вмешаться хотелось, особенно когда один из старейшин произнёс его имя так, будто само это имя уже служило доказательством чужой вины. Он видел на столе знакомые печати и понимал, сколько споров стоило их поставить; теперь за каждой подписью кто-то искал лазейку. Но здесь заседал Совет Стальгорна, не работники его кузницы. Кор-Дум заставил себя дождаться, пока председатель, Торин Камнерождённый, сам даст ему слово.

Брунхильд заметил племянника первым.

— Вернулся.

Все обернулись.

Кор-Дум подошёл к столу.

— Пока да.

— Что скажешь про храм? — спросил Боргун.

— Сам не видел — врать не стану.

— Удобно.

— Зато о последствиях могу говорить с цифрами в руках. О чужих молитвах — не берусь.

Хельга усмехнулась.

— Вот за это я его и терплю.

Кор-Дум положил на стол две ведомости и копию принятого решения. В первой перечислялись мастера, уже работавшие для Красных гор, и объём предстоящего ремонта. Вторая содержала обычный металл, инструмент и кристаллы, которые база могла покупать по частным договорам, не заглядывая в закрытые клановые склады. У каждого заказа были своя мера и срок; рядом с крупными строками Кор-Дум оставил пометки о доставке и людях, которые должны принять товар. Передавать древние чертежи или звёздное железо он не предлагал.

— Четыре печати, — сказал он, коснувшись старого протокола. — Ваше решение. После нашего удара по храму оно ещё действует? Или караваны разворачивать, не доводя до ворот? За этим я и приехал. Мастерам надо знать ответ до того, как они закупят уголь и выйдут к горнам.

— Слишком резко ставишь вопрос, — заметил Торин.

— Каравану надо знать, по какой дороге идти. И лучше до того, как первая телега выедет.

Боргун пролистал ведомость.

— Мало.

— Значит, не торгуй.

— Ты предлагаешь обычное железо за обычные кристаллы.

— Потому что обычные вещи нужны чаще чудес.

Хельга забрала лист.

— А образцы древних материалов?

— Нет.

— Чертежи?

— Только безопасные, — ответил Кор-Дум. — И лишь с согласия мастера, который вправе ими распоряжаться. Сперва испытания, затем отдельная цена и решение Совета Красных гор. Ваш первый протокол всего этого не отменял. Я не стану обещать за чужую мастерскую то, чего её хозяин ещё не видел.

Боргун фыркнул.

— И где же знаменитая щедрость Лекса?

Кор-Дум усмехнулся в бороду.

— У него спроси. Я с ним работаю, а не легенды собираю.

Брунхильд тихо рассмеялся.

Совет спорил ещё два часа. Кор-Дум говорил о цене угля, простое горнов и мастерах, которые потеряют заработок, если готовые заказы останутся на полках. Боргун отвечал возможными штрафами Магистериума и потерей больших рынков. Хельга не стала делать вид, будто второй опасности не существует, но потребовала различать уже полученный приказ и страх перед тем, который, возможно, ещё отдадут. Ни у кого за столом не было распоряжения из Стального Шпиля: до Стальгорна дошли лишь угрозы торговцев и слухи о будущих запретах. Кор-Дум настоял, чтобы это внесли в протокол. Слух мог поднять цену, задержать обоз и напугать нанятого возчика; закона из него всё равно не получалось.

В песне о клановых клятвах такой итог едва ли пригодился бы. Прежнее решение оставили в силе. Глубинные Странники сохраняли нейтралитет; частные мастерские могли торговать с Красными горами, соблюдая действующие законы. Гонцам и малым караванам без вооружённых отрядов дороги оставались открыты. Никто не обещал, что каждый караван дойдёт без задержки, однако теперь хотя бы нельзя было выдать страх заставы за отменённое решение Совета.

Стальной Молот не объявлял войны Магистериуму и не обещал армии, которой у клана не было. Брунхильд отдельно подтвердил: мастера, добровольно заключившие договоры с Кор-Думом, не становятся предателями из-за того, кто разрушил храм Нергал. Для самого Кор-Дума эта оговорка значила едва ли не больше торговых цифр. С именами мастеров в ведомостях стояли семьи, долги и незаконченные работы, а не только число рук у наковален.

Красный Камень не присоединился к этим подтверждениям. Он уже отказался от закрытого обмена и не изменил позицию.

Кор-Дум счёл результат честным. Торин подписал короткую запись: прежние решения действуют до тех пор, пока Совет не примет новых. Мастер дождался, пока высохнут чернила, проверил печать и убрал выписку в дорожный футляр. Там бумаги не соприкасались с инструментами и не мялись под тяжестью железа. В дороге это казалось мелочью, но Кор-Дум слиш-

ком часто видел, как важный документ превращается в клочок из-за небрежно уложенного молотка.

У старого подъёмника его догнала Хельга. Кор-Дум узнал её по тяжёлому стуку посоха о камень ещё до того, как обернулся. Здесь, вдали от Совета, глухие удары поднимались под своды и долго не затихали; в Стальгорне по звуку порой можно было узнать человека раньше, чем увидеть.

— Подожди.

Она остановилась рядом и посмотрела на футляр.

— Карты, что я тебе дала, у тебя?

— В Красных горах. Под печатью. Копий нет.

— Даже Лексу не показал?

— Он знает, откуда они, — ответил Кор-Дум. — Переписывать не позволял. Вернусь — сядем с мастерами и посмотрим, куда вообще стоит соваться, а что лучше не трогать. Твои отметки — не приглашение перерыть все горы подряд.

Хельга некоторое время молчала.

— «Семь Зубьев» помнишь?

— Помню.

— И что я просила?

Кор-Дум взглянул на неё. Сорок лет назад на «Семи Зубьях» погиб муж Хельги; тело так и осталось под обвалом. О том, что произошло, она рассказала ещё при первом прощании у западных ворот. С тех пор старый шахтный знак на карте значил для Кор-Дума больше, чем возможные следы древних выработок. Он знал, как легко у горняка появляется желание добраться до тех, кого камень не отдал. Знал и то, какую цену могут заплатить живые, если принять такое желание за обязанность.

— Не лезть туда ради мёртвого. Если окажемся рядом и будет безопасно — оставить камень на старой отметке и сказать, что его помнят.

— Вот именно. Не трать живых ради обещания, которого я не просила.

— Я и тогда сказал: если дойду.

Хельга выдохнула через нос.

— Потому и напоминаю тебе, а не Лексу, — сказала Хельга. В её голосе не было упрёка инженеру: она просто знала, что Кор-Дум поймёт цену обвала без дополнительных объяснений.

Кор-Дум поправил ремень футляра.

— И условия помню: в работающую шахту без вашего согласия не полезем. Войско вашим ходом тоже не поведём.

— Вот теперь разговор.

Она ушла первой. У поворота ждал Брунхильд. Старик протянул руку — с привычной силой, не оставляя места для торжественных прощаний. На таких встречах дворфам хватало крепкого рукопожатия: клятва, произнесённая без нужды, только обесценивает те, которые действительно придётся исполнить.

— Передай Грыму, что если он опять полезет один в древний город, я лично приду и помогу тебе его бить.

— В очередь.

— Вот теперь верю, что ты домой заезжал.

Кор-Дум сжал его предплечье. Ни один из них не сказал «прощай». До дома оставалось четыре дня дороги, и мастер предпочитал думать о том, что должен привезти живым, а не о словах, которые легче произнести перед разлукой.

* * *

Крэш не праздновал разрушение храма Нергал.

Это была первая ложь, которую принесла степь.

Вторая уверяла, будто он уже поклялся Лексу кровью всего прайда.

Третья — что двадцать драконидских всадников ушли на север.

Крэш выслушал все три и велел гонцу поесть.

— И что ответим? — спросил Зар'ток.

Они сидели у малого ночного костра, в стороне от общего. Ветер шевелил края навесов, под которыми сушили дорожную упряжь, и доносил запах прогретой кожи. Вождь Ледяного Пламени предпочитал сначала обдумать решение, а уж потом объявить его перед кругом. Зар'ток не торопил: они давно знали, что важный разговор бывает короче, когда оба собеседника не боятся молчания.

— На что?

— На слухи.

— Ни на что.

— Люди решат, что молчание — подтверждение.

— Люди и без нас решат всё, что им нравится.

Шаман провёл когтем по пеплу.

— Клык понял условия?

— Понял. Ничего сверх моего слова не пытался выторговать.

Крэш перечислил условия по памяти, не заглядывая в табличку: прайд сохраняет нейтралитет, подтверждёнными сведениями обменивается через одиночных гонцов. Чужим армиям без отдельного согласия не пройти через внутренние тропы и к колодцам. Нанимать воинов от имени всего прайда Лексу никто не позволял. Отдельный воин волен принять договор по собственному решению, зная, куда идёт и ради чего берётся за оружие. Крэш произносил каждое условие без торжественности. Для него это были не красивые слова, а правила, которые завтра придётся объяснять молодым охотникам и хранителям воды.

— Толково договорились, — сказал Зар'ток.

— Поэтому мне не нравится.

— Привык, что за разумными словами зубы прячут?

— За каждым предложением чьи-нибудь зубы спрятаны. Вопрос — чьи.

Он подбросил в огонь сухую ветку.

— Гонцы говорят, что храм они разрушили за раненую женщину Лекса.

— А ты что думаешь? — спросил Зар'ток.

— Не знаю, почему ударили именно тогда, — ответил Крэш. — Клык ушёл отсюда задолго до вестей о храме. О будущем походе ничего мне не говорил. Война чужая; объясняться за Лекса я не нанимался. Если кто-то хочет знать причины, пусть у него и спрашивает.

— Значит, не доверяешь?

— Не спеши с таким словом. О границах Клык говорил прямо. Воинов за меня не обещал, молодняк тайком не покупал. Пока мне этого хватит, чтобы верить ему.

Зар'ток кивнул.

— Для первого договора — достаточно.

Крэш усмехнулся. Такие собеседники нравились ему больше тех, кто клялся вечной дружбой, ещё не выучив дороги к гостевому костру. Зар'ток, в отличие от многих молодых воинов, никогда не путал осторожность с трусостью, и вождю не приходилось тратить слова на это различие.

Из темноты донёсся топот. Молодой воин привёл чужого гонца — человека с дорожной пылью на сапогах и серой лентой торгового дома на рукаве. Гонец держался прямо, но оглядывался на копья у ближайшего навеса. Крэш отметил это и не стал предлагать ему сесть: прежде следовало узнать, ради чего чужак прошёл степью ночью.

— От барона Крейна, — сказал воин.

Крэш бросил взгляд на Зар'тока.

— Вот и цена нейтралитета.

Гонец предложил золото за проход вооружённого отряда по южной кромке степей. В бумагах значилась охрана каравана, однако бойцов было слишком много для обычного сопровождения товара. Крэш даже не попросил показать мешки с платой. Вопрос заключался не в размере выкупа за дорогу: ещё до появления гонца он дал слово не пропускать чужое войско без решения прайда.

Крэш не торговался.

— Нет.

— Мой господин готов удвоить…

— Нет.

— Вы даже не спросили сумму.

— Потому что продаётся не дорога. Продаётся моё слово. Я его уже дал.

Гонец побледнел. Он ожидал торга и заранее приготовил уступки; теперь ни одна из них не имела значения.

— Это будет воспринято как поддержка мятежников.

Крэш наклонился вперёд.

— Передай Крейну: наши границы отмечены. Если его люди их не заметят, мы напомним.

— Это угроза?

— Это карта.

Гонца увели к гостевому навесу. Ему не грозили расправой: отказ продать проход не отменял правил гостеприимства, и Крэш не собирался давать Крейну повод жаловаться на обиду посланника.

Зар'ток некоторое время молчал.

— Теперь все узнают, что нейтралитет настоящий.

— Поэтому он и дорогой.

Крэш посмотрел на север.

Где-то к северу лежали Красные горы. Крэш не собирался умирать за Лекса или становиться частью чужого государства. В его степи хватало собственных забот: вода в колодцах, пути стад, ссоры молодых воинов и соглашения, которые предки заключили задолго до нынешней войны. Однако если бароны решат, что данное слово драконида можно купить задним числом, война однажды придёт и сюда. Тогда воевать придётся уже не за Лекса, а за право прайда самому решать, кто идёт по его земле.

Лучше выбрать цену самому.

* * *

Айрин вернулась к Красным горам под вечер четвёртого дня пути. После Совета выехали не сразу: Серафима настояла, чтобы сперва поели, сменили повязку и проверили запас воды в дорожной повозке. В первые сутки Айрин сидела прямо, будто это могло ускорить заживление; на вторые согласилась подложить под локоть свёрнутый плащ. На ухабах левая рука ныла так, что она стискивала зубы, стараясь не разбудить задремавшую рядом Серафиму. Лаэрон ехал в другой повозке, берёг зафиксированное правое плечо и злился, когда сопровождающие пытались сделать за него даже простейшую работу. На привалах Серафима проверяла рану Айрин. Края оставались чистыми, но поднимать тяжести и тянуться к оружию больной рукой ей по-прежнему запрещали.

Ночевали на согласованных стоянках, а перед последним подъёмом отправили вперёд гонца. До ворот оставалось около полулиги, когда Айрин заметила новую сигнальную площадку на западном склоне: двое часовых, один флажок, никаких встречающих вдоль дороги. Охрана работала спокойно и без показного усердия. Это оказалось приятнее, чем она ожидала.

Хорошо.

После покушения ей хотелось видеть более надёжные посты и внимательных караульных. Но меньше всего она желала, чтобы каждое возвращение в Красные горы превращалось в шествие под взглядами людей, у которых и без того хватало работы. Когда-то такое внимание показалось бы ей естественным; теперь она знала, сколько дел откладывают ради чужой торжественной встречи.

У первой линии Лаэрон сам отдал оружие для проверки.

— Я связной дома, — сказал он караульному.

— Знаю.

— И всё равно?

— Особенно поэтому.

Лаэрон посмотрел на Айрин.

— Ваши правила действительно заразны.

— Поздно жаловаться.

За внутренней решёткой стояла Лада.

Агафья крепко держала девочку за плечо, не позволяя пересечь белую линию перед постом. Барс сидел у её ног и нетерпеливо бил хвостом по камню. Он тоже заметил повозку, но, в отличие от Лады, пока не пытался прорваться к воротам.

Увидев Айрин, Лада дёрнулась вперёд.

Агафья удержала.

— Линия.

— Но тётя Айрин!

— За линию нельзя даже к тёте.

Айрин рассмеялась и сама подошла к ним, когда караульный закончил проверку. После дороги ей хотелось обнять девочку обеими руками, однако тело сразу напомнило, почему это пока нельзя.

Лада обняла её за талию, потом тут же отскочила.

— Рука!

— Вот и хорошо, что заметила.

— Болит?

— Уже меньше.

— Лекс сказал, если будет болеть, тебе надо лежать.

— Очень удобно распоряжаться на расстоянии, — заметила Айрин. Она старалась говорить насмешливо, хотя за детской заботой вдруг почувствовала, как сильно соскучилась по дому.

Агафья фыркнула.

— Он сам уже получил за это.

Лекс ждал не у ворот.

Айрин нашла его в командной комнате.

За столом сидели Лекс, Клык и Марфа. Клык всё ещё берег подвёрнутую ногу, но на ноге у него лежала не дорожная сумка, а раскрытая ведомость храмового рейда. Они сверяли четыре колонки: люди, боеприпасы, повреждения и неизвестное. В колонке «Неизвестное» записей оказалось больше всего. Айрин успела разглядеть мелкий почерк Марфы. Никто не пытался превратить боевой отчёт в перечень побед: каждый возвращённый заряд и каждый потерянный предмет имели своё место на листе.

Лекс поднял глаза.

Его лицо изменилось так резко, что Айрин невольно остановилась у порога. Он словно забыл, о чём говорил мгновение назад, и впервые за долгое время не нашёл подходящих слов.

Потом он встал.

Лекс не бросился к ней через комнату и не смахнул бумаги со стола. Он обошёл стол и подошёл, стараясь не задеть перевязь. От этого простого движения у Айрин болезненно сжалось горло: ей вдруг стало ясно, сколько тревоги он держал при себе со дня сообщения из Силь'Верен.

— Рука?

— Четыре шва. Сухожилия целы. Серафима велела не изображать героя.

— Хороший приказ.

— Она сказала то же про тебя.

Клык уже собирал бумаги.

— Мы закончили.

— Нет уж, договаривайте. Я подожду, — сказала Айрин.

Лекс посмотрел на неё.

— Уверена?

— Я для того и ездила, чтобы каждый знал, за что отвечает, — ответила Айрин. — Если кто-то ушёл в поход или вернулся домой, работа из-за этого останавливаться не должна. Заканчивайте. Я никуда не денусь.

Марфа одобрительно кивнула.

Через десять минут ведомость закрыли. Клык собрал свои бумаги, Марфа проверила последние отметки и ушла вместе с ним. Айрин не торопила их: она привезла договор, в котором каждое обязательство требовало чьей-то работы, и слишком хорошо понимала цену аккуратно закрытой записи.

Лекс остался стоять напротив Айрин.

— Теперь можно? — спросил он.

— Можно.

Лекс обнял её осторожно, обойдя левой рукой перевязь. Айрин прижалась щекой к его плечу и услышала, как сбилось дыхание, которого он весь разговор старался не выдавать. Он не спрашивал, насколько было страшно в роще; ей и самой пока не хотелось начинать с этого.

Дыхание выровнялось не сразу.

— Я получил сообщение, — сказал он.

— Знаю.

— Я хотел сделать глупость.

— Какую именно? У тебя большой выбор.

Он тихо рассмеялся.

— Пойти самому.

— В Шпиль?

— Сперва хотел пойти туда, где мог бы найти Мираэль. А потом понял, что даже не знаю, где её искать. Представляешь, какой был бы план?

— Отличное начало операции.

— Клык выразился грубее.

Айрин отстранилась.

— Храм?

— Храм мы выбрали ещё до покушения. Клык заставил меня несколько раз произнести это вслух, прежде чем разрешил обсуждать сроки.

— Правильно сделал.

— Я всё равно думал о тебе, когда они уходили.

— Это не преступление.

— Но решать, куда бить, из-за этого нельзя.

Айрин посмотрела на него внимательно.

Айрин не стала спорить. Угроза Мираэль никуда не исчезла, но месть могла подождать. Сейчас она держала в сумке документы, над которыми старейшины спорили несколько дней, и не хотела, чтобы страх за неё перечеркнул хоть одну из достигнутых договорённостей.

— Мы с домом подписали дополнительный протокол к нашему договору, — сказала она.

Лекс моргнул.

— Дом согласился уточнить условия даже после нашего удара по храму?

— Да. Договор, как и прежде, на год, без армии и присяги. Теперь уточнили, как проверять сведения, когда прерывать связь, как не втянуть друг друга в войну. Для эвакуации дали один тайный маршрут. Только гражданские, только если базе грозит уничтожение. Знать его будут Лаэрон и двое наших проводников. А королевой меня не признали.

— А наш Совет?

— Получит заверенную копию. Утвердит дополнения — начнут действовать. Пока в силе первый договор, тот, что подписали после покушения. За вас я никаких обещаний воевать не давала.

— Расстроена?

— Облегчена.

Лекс улыбнулся — осторожно, будто боялся заранее решить за неё, что она должна чувствовать.

— Лаэрон остаётся?

— Да.

— Цена?

Айрин сразу поняла вопрос.

— Дочь Силь’вариэна в Шпиле. Если договор вскроется, её могут использовать против него.

Улыбка исчезла.

— Мы можем…

— Пока ничего. И именно это я ему сказала.

Лекс кивнул.

— Хорошо.

— Хорошо, что ничего?

— Хорошо, что ты не наобещала того, чего мы не сделаем.

Она коснулась его щеки здоровой рукой.

— Учусь у инженера.

— Плохой учитель.

— Иногда.

Он накрыл её ладонь своей, задержал пальцы на мгновение, а потом заговорил так быстро, словно боялся передумать:

— Я люблю тебя.

Айрин замерла.

Айрин показалось, что он сам не ожидал признания именно сейчас. Он смотрел на неё почти растерянно — совсем не так, как на карту перед походом или чертёж неисправного механизма.

— Это не потому, что тебя чуть не убили, — добавил он. — То есть не только… Нет. Звучит ужасно.

— Звучит.

— Я хотел сказать это не сейчас.

— А когда?

— Не знаю. Когда смог бы сказать нормально. Чтобы ты не подумала, что я только с перепугу.

Айрин молчала. Лекс отвёл взгляд, затем снова посмотрел на неё, словно ожидал ответа и одновременно боялся его услышать. Наконец она сказала:

— Тогда скажи ещё раз. Без «не только».

Он вдохнул.

— Я люблю тебя. Ты мне ничего за это не должна. И решать за тебя я не собираюсь. Просто… хочу, чтобы ты знала.

Айрин перестала улыбаться.

— Хорошо.

— Это всё?

— Нет.

Она поцеловала его.

Поцелуй вышел осторожным: левая рука по-прежнему болела, а плечо под перевязью тянуло при каждом неловком движении. Айрин не пыталась обнять его крепче, чем позволяла рана. Ей было достаточно, что он не отступил и не заговорил первым, когда она ненадолго прижалась к нему.

Когда они отстранились, она сказала:

— Я тоже тебя люблю. Только вздумай ещё из-за своего страха запретить мне ехать на переговоры — я тебе это припомню.

— Я знал, что будет условие.

— Это не условие. Это техническая документация.

— Ещё хуже.

* * *

Родион увидел возвращение Айрин из дальнего прохода, куда пришёл за крепежом для решётки. У ворот и без него хватало встречающих.

Он не подходил.

Он не считал себя недостойным стоять рядом с хорошими людьми. В таком признании было бы слишком много удобства: назови себя окончательно испорченным — и можешь больше ничего не исправлять. Куда труднее оказалось вставать по утрам и делать работу, после которой никто не обязан благодарить. Но он работал.

Сегодня Родион менял крепления внутренней решётки вместе с двумя людьми Клыка. Вчера таскал воду, а позавчера четыре часа переписывал складские жетоны: почерк у него оказался неожиданно разборчивым. На креплениях оставались старые следы чужих попыток поддеть засов, и Родион видел, какие места следовало усилить. Он не давал советов без спроса. Сначала нужно было выполнить порученное и показать, что он способен не искать выгоды в каждой найденной слабости.

Никто не доверял ему оружие.

Правильно.

Никто не выпускал за внешний периметр без сопровождения.

Тоже правильно.

Лада иногда здоровалась.

Вот это было тяжелее всего.

Сейчас Лада пробежала мимо, придерживая Барса за ошейник. Увидела Родиона и махнула рукой так просто, словно между ними не лежало ничего, кроме нескольких шагов коридора.

— Дядя Родион!

Он поднял ладонь в ответ.

Не подошёл.

Она была ребёнком. Её доброта не означала прощения, и прощать его она не обязана. Родион опустил руку и вернулся к креплению, которое ещё не успел затянуть. В кармане лежала деревянная ложка.

Он носил ложку как напоминание. Однажды девочка принесла еду человеку, который пришёл убивать её близких, только потому, что увидела голодного. От этой памяти легче не становилось. Но в тяжёлые дни она не позволяла ему убедить себя, что от него уже ничего не зависит.

Это не делало Родиона хорошим.

Но давало причину исправлять натворённое.

Клык нашёл его через час.

— Завтра со мной.

Родион поднял голову.

— Куда?

— Проверять караулы внутри базы пойдём.

— С оружием?

— Нет.

— Тогда зачем я?

— Покажешь, где сам искал бы дыру.

Родион выпрямился не сразу. Приказ был простым, но в нём скрывалась ответственность: Клык хотел услышать от него не оправдания прежнего предательства, а полезное знание о слабых местах охраны.

— Это проверка?

— Всё проверка.

Клык ушёл.

Родион коснулся кармана с ложкой и вернулся к болту. Крепление нужно было закончить сегодня, независимо от того, состоится ли завтрашняя проверка.

Первый шанс оказался не прощением.

Так было лучше.

* * *

Спустя ещё несколько дней, когда Айрин успела вернуться к делам Совета, из Стальгорна приехал Кор-Дум. Обратная дорога снова заняла четверо суток. Спина ныла после долгой тряски так, что простого движения плечами было мало, а в сапогах скопилась дорожная пыль. К базе он добрался уже затемно и первым делом направился к мастерской: о результате переговоров можно было говорить только после того, как футляр с документами окажется в надёжных руках.

Грым встретил его не у ворот, а в мастерской.

— Ну?

— Сначала дай воды.

— Значит, плохо.

— Значит, я четверо суток ехал по дороге, которую прокладывал человек, ненавидевший любую задницу в седле.

Грым подал кружку.

Кор-Дум выпил половину и только потом положил на стол дорожный футляр с новой выпиской из протокола Совета.

Зураб подошёл от соседнего горна. Писк развернул линзу.

— Бумаги, — сказал Грым.

— Молодец. Глазами пользуешься.

— Новые?

— Подтверждение старых. После храма многим захотелось сделать вид, будто четыре печати потеряли силу. Не потеряли. От них даже чернила не отвалились, сколько ни спорили.

Грым потянулся к футляру.

— А карты Хельги?

— Те, что я привёз в первый раз, никуда не делись. Зураб, достань из закрытого шкафа. Сегодня покажу вам, что там отмечено, но переписывать пока не разрешаю.

Лекс и Айрин пришли через несколько минут, Клык — чуть позже. Никто не собирал весь Совет: сначала Кор-Думу нужно было доложить мастерам и тем, кто отвечал за дороги и торговлю. Он ещё в пути решил не превращать обычную выписку в праздник. Торин подтвердил действующий порядок, но до открытого союза Стальгорну было по-прежнему далеко.

Кор-Дум изложил результаты без украшений, положив рядом обе ведомости: теперь каждый мог сверить его слова с решением Совета.

— Первое решение Совета осталось в силе и после храма. Глубинные Странники нейтральны. Малые караваны и гонцов пропустят, войска — нет. Стальной Молот мастерам работать с нами разрешает, изменниками их не считает. Но воевать со Шпилем не обещает. Красный Камень при своём остался. Торин выдал подтверждение, чтобы на заставах к слухам не прислушивались.

— Лучше, чем я рассчитывал, — сказал Клык.

— Я тоже умею считать.

Зураб принёс кожаный свёрток, который после первого возвращения Кор-Дума хранился под печатью, и разложил его на свободном краю стола. Бумага пахла сухой кожей и пылью старых хранилищ. Грым сразу узнал шахтные отметки, но не потянулся разворачивать карту шире, чем позволил отец.

— А это?

— Выработки под Серыми землями. Возможно, древние. Слышишь? Возможно. Хельга велела копий не делать и без разрешения людей в клановые шахты не водить.

Писк пискнул.

— Дан…ных… ма…ло.

Кор-Дум ткнул пальцем в корпус Писка.

— Хорошая железка.

— Я… не… железка.

— Тогда ещё лучше.

Лекс взглянул на обозначения, но не стал разворачивать карты полностью. Ему хотелось увидеть скрытые ходы не меньше остальных; однако свёрток был доверен Кор-Думу на определённых условиях, а не подарен ему самому.

— Снова запечатайте. Пока Хельга не разрешит, копий не делаем. И в «Семь Зубьев» сейчас никто не полезет.

Кор-Дум кивнул.

Грым поднял бровь.

— Ты даже не хочешь посмотреть?

— Хочу.

— Тогда почему?

— Потому что завтра никуда не идём.

В мастерской стало тихо.

Зураб первым усмехнулся.

— Запишите дату.

Кор-Дум поднял кружку.

— Я уже начал верить в воспитание.

Лекс показал ему неприличный жест, которому научился у Шило.

Айрин закрыла лицо ладонью.

— Союзы заключены, — сказала она. — Цивилизация закончилась.

Смеялись негромко: после долгих дорог и тяжёлых разговоров сил на большее ни у кого не осталось. Кор-Дум поставил кружку рядом с футляром, Грым наконец перестал допытываться о древних шахтах, а Зураб проверил, не лежат ли края карты слишком близко к огню. Никто не считал, что всё уже сделано или победа одержана. Но среди своих можно было немного посмеяться, прежде чем снова браться за работу.

На столе лежали годичное соглашение дома Силь'Верен с дополнительным протоколом, ещё ожидавшим утверждения Советом Красных гор, карты Хельги в кожаном свёртке, ведомость Клыка об условиях нейтралитета прайда Ледяного Пламени, подтверждение Совета Стальгорна и перечень повреждений после рейда на храм. Ни один документ не обещал спасения. Повсюду были ограничения, сроки, чужие интересы и возможность отказа. Теперь эти условия хотя бы можно было прочитать, оспорить и проверить, прежде чем отправлять людей в дорогу.

Лекс смотрел на бумаги и думал, что именно так, возможно, и выглядит настоящий союз: не тогда, когда все за одним столом обещают умереть за тебя, а когда каждый отвечает за своё слово и не прячет условий, на которых готов помочь.

Когда каждый заранее говорит, где остановится, — и всё же делает следующий шаг рядом.

Глава 5. Тень трона

Месяц Менельмос, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Время: глубокая ночь после возвращения посольств — рассвет
Место: Стальной Шпиль, закрытый кабинет леди Мираэль Тенеплеты

Мираэль перечитала донесение в третий раз и положила его на стол так, чтобы оно не закрыло лежавшую рядом карту. Привычка держать перед глазами несколько источников сразу обычно помогала ей разобраться в неприятных новостях. Сегодня и третий просмотр не принёс ничего утешительного.

Покушение в роще провалилось: пятеро исполнителей убиты, один пленён, один ушёл. Дом Силь'Верен переговоров не прервал. Ограниченное соглашение подписали в день нападения, а после разрушения храма уточнили условия. Лаэрон остаётся связным при Красных горах. Дополнительный протокол, насколько удалось выяснить, ещё должен утвердить Совет базы. Между подписью под условиями и вступлением их в силу оставалось важное различие, которое Мираэль не собиралась упускать.

Второе донесение оказалось не лучше. Храм Нергал повреждён, алтарный узел уничтожен, пятеро жрецов и трое стражников погибли. Двух стражников нашли связанными. Внутренний склад не разграбили, хотя нападавшие могли до него добраться; жилой квартал за внешней стеной уцелел. Судя по этим подробностям, налётчики не стремились разрушить всё, до чего дотянутся.

Мираэль положила второй лист рядом с первым и ещё раз проверила даты. О покушении сообщили два независимых источника: сбежавший наёмник рассказал о нём посреднику у лесного тракта, а другой связной получил сведения из окружения дома Силь'Верен. Отчёт о храме составили позже, уже в городе, опросив уцелевших стражников и работников соседних дворов. Время доставки она записала отдельно от времени самих событий: небрежность в такой мелочи однажды могла превратить верную цепочку сведений в ложную.

Нетронутый склад и уцелевшие дома говорили о выборе целей яснее оставленного на стене послания. Нападавшие знали, за чем пришли, и сумели остановиться там, где разрушение уже не служило их задаче. Мираэль не нравилось признавать это качество за противником.

Она потёрла переносицу. Третью ночь ей почти не удавалось спать: буквы порой двоились, правое веко раздражающе подёргивалось, а мысли приходилось возвращать к одному и тому же месту на странице. Прежде Мираэль велела бы лекарю принести тонизирующий состав, но сейчас отказалась от этой мысли. Сон лекарство отгонит, ясности не прибавит; ещё примешь внезапную бодрость за способность здраво рассуждать.

На столе лежали тридцать два сообщения. Четырём она доверяла, ещё семи — лишь отчасти. Остальные состояли из слухов, пересказов и попыток доносчиков доказать собственную полезность. На отдельной доске Мираэль держала три колонки: «ВИДЕЛ САМ», «ПОДТВЕРЖДЕНО ДВУМЯ ИСТОЧНИКАМИ», «ПОВТОРЯЮТ ВСЕ». Последняя была длиннее двух других вместе взятых и почти не помогала принимать решения.

В одной записке не указали имени наблюдателя, в другой стояла дата, к которой не поспел бы даже самый быстрый гонец. Третья уверяла, что храм Нергал сравняли с землёй, хотя городские сборщики уже подсчитывали стоимость ремонта уцелевших стен. Мираэль отложила все три. Опираясь на такие сведения, можно было легко погубить не только чужих, но и собственных людей; цена ошибки здесь была слишком высока для игры в догадки.

Из Стальгорна пришло письмо с очередной громкой новостью: Стальной Молот будто бы объявил войну Магистериуму. Мираэль знала, что это ложь. Даже её собственные люди подтверждали лишь разрешение отдельным мастерам работать с Кор-Думом и несколько решений о частной торговле. До объявления войны между этими фактами было далеко.

С Пылающими степями происходило то же самое. Половина Стального Шпиля уже обсуждала «драконидскую армию Лекса», но ни одного достоверного следа этой армии не нахо-

дилось. Зато отказ Крэша пропустить людей Крейна через степь подтвердился. Для тех, кому нужен был предлог, этого хватило бы, чтобы назвать нейтральный прайд вражеским.

Мираэль написала на полях: «Если чужой нейтралитет тебе мешает, легко принять его за союз с врагом».

Она задержала перо над строкой. Сказано было удачно — и именно это насторожило. Красивую формулу легко принять за объяснение, перестав проверять то, что под неё не подходит. Мираэль перечеркнула написанное: особенно опасно доверять собственным афоризмам, когда подчинённые привыкли считать их приказами.

За скрытой дверью негромко щёлкнул замок.

— Войдите.

Человек в Сером вошёл почти бесшумно. За годы службы он успел выучить, какие половицы скрипят, и запомнил расписание внешних постов лучше самих караульных. Мираэль платила ему за умение проходить незамеченным и возвращаться с достоверными сведениями, а не за эффектное появление из тени.

— Госпожа.

— Садись.

Удивление он скрыть не успел.

— Я постою.

— Стоя ты лучше не доложишь. Садись, пока не свалился.

Агент сел на самый край стула. Вблизи его усталость была ещё заметнее: раздражённая кожа под воротом, трещина на нижней губе, плохо сросшийся порез у виска. Видимо, за последнюю неделю он не чаще хозяйки вспоминал об отдыхе. Мираэль не стала расспрашивать его о дороге: сперва требовалось услышать главное.

— Начинай с пленного, — сказала Мираэль.

— Янек жив. Заказчика, по его словам, не знает. С ним встречался посредник — высокий, в сером плаще, лицо закрыто до глаз. Говорил на человеческом языке, но с эльфийской манерой речи. Встречались в Механосе, в «Сломанном копье», в задней комнате второго этажа, за четыре дня до выхода отряда. За всех семерых выдали двадцать средних кристаллов аванса. Столько же обещали после. Письмо от имени Лекса — подделка.

— Допрос?

— Обычный.

Мираэль подняла бровь.

— Что значит «обычный»?

— Допрашивал Эл'арион, хранитель архива. Сверял показания с найденными вещами, датами, схемой рощи. Миртаэль проверял охрану и тех, кто знал маршрут. Жрица людей тоже присутствовала. Но в доступном протоколе нет свидетельств, что пленного принуждали магией.

Этот ответ Мираэль понравился ещё меньше, чем известие о пленном. После магической пытки показания можно было оспорить: страх, нарушенная память, внушённые ответы. Здесь же каждое слово проверяли по вещам и датам, и из малых, по отдельности неубедительных совпадений складывалась цепочка, которую трудно было объявить выдумкой целиком.

— Они вышли на тебя?

— Нет.

— На меня?

— Нет.

— На сеть?

Агент помедлил.

— Они уже не считают, что посредник нанял убийц по собственной прихоти. И разобрались с поддельным письмом: его хотели использовать, чтобы поссорить Айрин с Лексом. До нас пока не добрались.

— Ты кое-что упустил. Они знают место встречи.

Мираэль развернула схему торговых улиц Механоса и нашла трактир. Она знала его расположение задолго до покушения; теперь знала и противная сторона. Люди Силь'Верен могли выяснить, кто оплачивал комнату, кому подавали вино и кто проходил с заднего двора. Никто из хозяев не видел всей цепи, но нескольких звеньев хватило бы, чтобы добраться до следующего посредника.

— Две явки, связанные с трактиром, закрыть. Хозяев не убивать, домов не жечь: просто перестать туда ходить. Пакеты передавайте в других местах. Только не меняйте всё сразу — слишком поспешная перемена сама привлечёт внимание.

— Третью?

— Оставить под наблюдением, но никаких встреч и пакетов. Если появятся люди Миртаэля, узнаем, как далеко они продвинулись.

— А если хозяина всё-таки схватят?

— Он ничего не знает. Уверен, что имеет дело с торговцами.

Человек в Сером записал.

— Теперь храм, — сказала Мираэль.

— Алтарный узел уничтожен, два внутренних помещения повреждены. Пожар удалось остановить, прежде чем он добрался до жилого крыла. Погибли пять жрецов и трое стражников. Двух стражников нашли связанными живыми. Ещё один ушёл в боковой придел до взрыва; его дальнейшая судьба пока неизвестна.

— Кто напал?

— Достоверных имён нет. Нашли следы людей, гоблинов и кого-то крупного, двуногого. Один уцелевший стражник утверждает, что видел орка. Второй в этом не уверен.

— Клык?

— Вероятно.

— Значит, не знаешь.

— Да, госпожа.

— Почему ты решил, что там был Клык?

— По словам выживших, нападавшие прикрывали друг друга арбалетами и выводили раненых даже после поднятой тревоги. У нижних стоков их преследовали; по следам огня и пара можно заключить, что отступали с боем. Но в жилой квартал не пошли, добычей не занимались.

— Это может сделать любой хороший командир.

— Может, — признал агент.

— Вот и пиши: «командир уровня Клыка». С именем подожди.

Агент исправил запись, хотя по тому, как задержалось перо, Мираэль поняла: предположение ему нравилось больше осторожной формулировки.

— Послание?

Он достал копию.

«Это только начало ответа. За кровь смертных придётся отвечать».

Мираэль перечитала.

— Перевод точный?

— У трёх переводчиков получилось почти одно и то же.

— Не «все боги умрут»?

— Нет.

Она откинулась на спинку кресла. В Красных горах, похоже, научились выбирать слова не менее тщательно, чем место для удара. С таким противником особенно опасно было принимать желаемое за действительное.

— В храмовых кругах говорят, что Нергал в ярости.

— У жрецов разрушили храм, и они объявили, что богиня в ярости. Поразительно.

— Есть кое-что надёжнее. Культовая связь даёт сбои. Двое жрецов из разных храмов сообщили об одном и том же нарушении во время молитвенного цикла, причём независимо друг от друга.

— Вот это запиши отдельно.

Мираэль взяла новый лист.

— Что с Красными горами после рейда?

— Вернулись не сразу. Есть раненые, но подробностей пока мало. Публичных празднеств на базе не было.

— Лекс?

— После возвращения группы его видели в командной. Больше надёжных сведений нет.

— Айрин?

— Вернулась из леса. Жива. Рука перевязана. Лаэрон с ней.

Мираэль непроизвольно стиснула зубы. Айрин не только пережила покушение, но и привезла соглашение. Злиться на это было бесполезно; теперь приходилось рассчитывать, как действовать в изменившихся обстоятельствах.

— Что именно подписали?

— Полного текста не достали. По сведениям из трёх источников, первый договор заключён на год: взаимное ненападение, обмен разведданными, Лаэрон назначен связным. Войска дом не обещал. Позже подписали дополнительные бумаги, но какие из новых условий уже действуют, нам неизвестно.

— Эвакуационные тропы?

Агент резко поднял глаза.

— Откуда…

— Значит, слух возник не на пустом месте.

Мираэль отметила эту реакцию, но удовольствия не показала. Агент выдал ей больше, чем содержалось в его докладе: слух о тропах, значит, обсуждали и между связными.

— Не знаю деталей, госпожа.

— Я тоже. Не знаем — значит, гадать не будем.

Ещё недавно она без колебаний ударила бы по дому Силь'Верен: пустила нужный слух, передала Магистериуму половину правды и поставила Силь'вариэна перед выбором между дочерью и договором. Однако теперь повторять прежний приём было рано. Если прижать главу дома к стене, он может решить, что скрывать больше нечего; а человек, которому нечего терять, куда менее удобен для шантажа.

— Пока дом не трогаем, — сказала она.

— Даже теперь, когда у них Янек?

— Именно теперь. Повторим покушение — сами научим их, как нам противостоять. Я не собираюсь оплачивать обучение своих врагов.

Агент недовольно поджал губы, но возражать не стал.

— Хорошо. Но одной паузы мало. Что дальше?

Мираэль перевела взгляд на три колонки доски. Прямой удар оставлял противнику ясную цель для ответа. Если же заставить людей Красных гор усомниться друг в друге, они начнут тратить силы на собственную защиту, не зная, откуда ждать следующей опасности.

— Письмо, — сказала она. — Лексу.

— С угрозой?

— Нет. Пусть сам решает, чего ему бояться.

Агент задержал перо над листом.

— А первое письмо? Приглашение, которое мы отправили после покушения в роще?

— Посредники подтвердили доставку, — ответила Мираэль. — Встречу я назначила на седьмой день после вручения, в «Сломанном копье». Только никто не записал, когда письмо попало к адресату. Лекс, возможно, уже прочёл его, а мы даже не знаем, с какого дня отсчитывать ожидание.

— Из трактира по-прежнему нет ответа. И после допроса Янека я бы не поручился, что туда вообще можно посылать наших людей.

— Вот и не посылай. Приглашение не отзываем: иначе сразу покажем, что знаем о допросе Янека. Людей с действующих явок к трактиру не подпускать. Если явится посланец Лекса, сперва выясним, можно ли говорить с ним, не подставляя сеть. А во втором письме никаких встреч назначать не будем.

Агент перелистнул страницу и приготовился записывать уже новый приказ.

* * *

Мираэль писала медленно.

Первый вариант она уничтожила после трёх строк. «Я знаю каждый твой шаг» — нелепая похвальба: не знала. «У меня есть человек в твоём Совете» — слишком конкретное утверждение. Лекс проверит, не найдёт подтверждений, и письмо лишится силы прежде, чем успеет посеять сомнение.

Ей нужен был вопрос, на который не ответишь проверкой документов или простой сменой караула; вопрос, после которого Лекс начнёт искать угрозу там, где прежде доверял своим. При этом письмо не должно сообщать ничего такого, что пришлось бы доказывать.

Вторая версия получилась лучше.

«Лекс.

Ты привык спрашивать: откуда это известно? Поэтому ответа я тебе не дам.

За последние недели ты отправлял людей в Стальгорн, к драконидам и в Механос. Ты ударил по храму Нергал. Айрин вернулась из леса с перевязанной рукой и новым соглашением.

Некоторые из этих сведений можно купить в трактире. Некоторые — увидеть на дороге. Некоторые должны были остаться внутри твоего круга.

Я не скажу, какие именно.

Можешь начать проверять своих людей. Менять коды. Закрыть ворота. Можешь ничего не делать. Что бы ты ни выбрал, я узнаю о тебе больше, чем ты обо мне из этого письма.

Леди Мираэль Тенеплета».

Мираэль перечитала написанное. Почти все перечисленные сведения можно было получить наблюдением со стороны, и нигде она прямо не утверждала, будто держит агента среди близких Лекса. Зато теперь ему самому придётся решать, что могло оставаться тайной. Если начнёт без причины проверять своих, её письмо нанесёт вред без всякой помощи извне.

В этом и был удар.

Она добавила постскриптум, потом надолго задержала на приписке взгляд: «Передай Айрин: следующий лес может оказаться менее гостеприимным».

Слишком прямолинейно. Мираэль подпалила угол листа, затем переписала письмо без постскриптума. Айрин пережила одно покушение; новая явная угроза могла лишь придать ей решимости. Пусть лучше Лекс сам решает, показывать ли ей послание, и сам отвечает за то, какие сомнения оно в нём пробудит.

— Госпожа?

— Сам письмо не понесёшь.

— Вы ведь хотели, чтобы оно наверняка дошло до Лекса.

— Хотела. Но после провала с Янеком куда важнее не оставить следа до моего кабинета.

Мираэль запечатала лист обычным тёмным воском без личной печати.

— Через торговцев. Три посредника. Последний пусть знает лишь, что за доставку заплатили и письмо нужно передать в Красные горы.

— Так письмо может не дойти.

— Может.

— И Лекс не будет уверен, что письмо ваше.

— Именно.

Агент едва заметно улыбнулся. Кажется, он начал понимать, зачем хозяйка сама отказывается от подтверждения авторства.

— Понимаю.

— Только половину, — сказала Мираэль. — Этого пока достаточно.

Она передала свёрток.

— А если Лекс просто выбросит?

— Значит, я ошиблась в нём. Но пока Лекс не похож на человека, способного выбросить непонятную деталь, не попытавшись выяснить, как и зачем она оказалась у него в руках.

* * *

Когда агент ушёл, Мираэль не вернулась к работе сразу.

Она сняла кольцо с правой руки и положила рядом с лампой. Снаружи серебряный ободок ничем не выделялся среди десятков подобных украшений; на внутренней стороне сохранилась старая насечка — короткая линия и две точки. Знак матери.

Обычно Мираэль надевала кольцо обратно, едва коснувшись насечки. Сегодня медленно провела по ней большим пальцем и вспомнила мать, склонившуюся над сырым кристаллом, прислушивающуюся к тому, как в его глубине едва слышно расходится трещина. Когда-то от умения различить такой звук зависело, принесут ли домой лишнюю меру еды.

Она поднялась, подошла к зеркалу и ослабила два слоя морока. Здесь, наедине с собой, можно было не поддерживать привычную личину. Уши стали чуть короче, золото глаз потускнело, на левой скуле проступил тонкий старый шрам.

Полукровка.

Когда-то это слово причиняло боль. Позднее боль уступила место памяти о дверях, которые захлопывались перед ней ещё до того, как она успевала назвать своё имя.

Её мать была человеком с Кристаллических полей — не легендарной красавицей и не тайной наследницей, а работницей сортировочного барака. Она умела по звуку узнавать трещину в сыром кристалле и до последнего дня считала, хватит ли оставшейся еды до следующей выдачи. Отец, эльфийский младший лорд, был слишком беден для выгодного брака и достаточно знатен, чтобы считать связь с человеческой женщиной развлечением, которое ничего его не обязывает.

Для Мираэль не нашлось места ни в одном из двух миров. Отец исчез прежде, чем она научилась запоминать лица взрослых; мать умерла позднее, от лихорадки. В богатом квартале ту же болезнь лечили дорогим эликсиром, но до сортировочного барака такие средства не доходили.

После смерти матери Мираэль долго ненавидела богатых. Потом поняла, что ненависть сама по себе дверей не открывает. Для этого нужны правильные имена, вовремя оказанные услуги, чужие долги, письма и знание того, кто кому должен, с кем спит и чего боится.

Она научилась быть полезной — сперва надсмотрщику, потом его начальнику, затем человеку, который однажды не вернулся после встречи с ней.

Первое убийство не сделало её сильнее. Только показало, что после него всё равно нужно мыть руки и думать, что делать с телом. Эту часть легенд обычно пропускали.

Мираэль коснулась шрама. Лекс раздражал её не тем, что боролся с прежними хозяевами, а тем, что выбрал иной способ жить. Вместо того чтобы выцарапывать себе место в их мире,

он строил собственный и приглашал за один стол тех, кто ещё недавно был чьей-то собственностью. Там, где каждому заранее отводили место и запрещали подниматься выше, это было опаснее открытого неповиновения. Одного беглеца можно высечь, продать, повесить. Но как наказать людей, которые больше не верят, будто обязаны вернуться?

Она восстановила привычный морок. Знакомое во дворцах лицо давно служило ей так же надёжно, как ключ от потайной двери или имя подкупленного служащего. Своей настоящей внешности Мираэль не стыдилась, но и показывать её без необходимости не собиралась.

* * *

Вскоре Мираэль велела разбудить учётчика хозяйственной части Магистериума. После разговора с агентом ей требовались уже не разведывательные предположения, а цена решений, которые городские власти действительно успели принять.

Седой эльф по имени Саэрин явился с сумкой ведомостей, на ходу поправляя кое-как застёгнутый камзол. О войне он знал меньше любого из её шпионов, зато без запинки называл стоимость дневного перехода, среднего пайка, лишней смены охраны и часа работы кристального светильника. В политике его считали скучным. Мираэль ценила в нём именно это: человек, привыкший сводить счета, реже других пытался понравиться красивыми догадками.

— Сколько Шпиль тратит на усиление храмов после последней атаки? — спросила Мираэль.

Саэрин, не удивившись вопросу, вынул из сумки три дощечки и разложил по порядку.

— На городской охранный контур уходит на двенадцать процентов больше кристаллов, чем в прошлом месяце. Жрецы просят ещё одну ночную смену — это примерно семь процентов сверху. И повреждённые узлы Нергал надо менять.

— Из какого резерва?

— Пока из храмового.

— Пока?

— Они уже запросили помощь у городского хранилища.

Мираэль наклонилась над записями. Её интересовало не только число израсходованных кристаллов, но и то, кому власти предложат за них платить.

— Откуда возьмут кристаллы, если запрос одобрят?

— Снимут с освещения нижних кварталов. Или с транспортных подъёмников, частично. Могут ещё поднять сбор с частных мастерских.

— Что выберут?

— Жрецы требуют сбора. Совет мастеров воспротивится. Наместник, скорее всего, попробует разделить расходы. Но пока решения нет, госпожа. Даже о том, кому делать первые расчёты, договориться не могут.

— А кто уже платит?

— Мастера, которых оторвали от заказов. Двум мастерским придётся отложить работы по заказам для подъёмников. А третья требует аванс кристаллами, иначе за защитные узлы не берётся.

— Это записано?

— В заявках. Завтра могут пересчитать.

— То есть посчитали только первые работы, — сказала Мираэль. — А общей сметы ещё нет.

Она откинулась на спинку кресла. Удар по храму стоил Шпилю дороже разрушенного алтаря и потерянных жрецов: теперь приходилось защищать места, которые ещё недавно считались неприкосновенными. Оказывается, даже охрана богов оплачивалась чужими кристаллами — и отказать в них кому-то придётся вполне земным решением.

— А поля?

— Добыча ниже плана.

— Насколько?

— По трём подтверждённым участкам — от девяти до четырнадцати процентов. После побегов не хватает людей. Новых привозят, но обучение занимает время. Потери инструмента тоже выше.

— «Обучение».

Саэрин посмотрел на неё осторожно.

— Так написано в ведомости.

— Я вижу.

Мираэль не стала рассуждать о значении слова. Саэрин и сам прекрасно понимал, что «обучением» на Кристаллических полях нередко называли неделю побоев, пока человек не научится двигаться достаточно быстро. Она не собиралась утешать ни его, ни себя более пристойной формулировкой.

— Если бароны снова поведут большую армию к Красным горам, сколько это будет стоить Шпилю?

— Зависит от того, сколько магических частей потребуют.

— Минимум.

Саэрин назвал сумму. Мираэль заставила его повторить расчёт и убедилась, что правильно расслышала.

— А максимум?

Второе число было хуже.

— Значит, прежде чем звать в новый поход, придётся считать, во что он обойдётся городу.

— Я не военный, госпожа.

— Поэтому и позвала.

Саэрин ушёл, оставив у секретаря по её просьбе копии открытых расходных заявок, со всеми датами и подписями. Ради закрытых книг Магистериума Мираэль пока не собиралась подкупать новых людей. И по обычным счетам было видно, как долго задерживали оплату и кто первым жаловался на простой. Неделя без работы в одной мастерской порой рассказывала о состоянии города больше, чем громкая речь барона.

На рабочем листе появилась строка: «Давить не только на страх баронов. Напоминать, во что им обходится война».

Когда-то ей нравились заговоры, в которых один нож, оказавшийся в правильном месте, менял ход истории. С годами Мираэль всё яснее видела, как упорно мир держится на зерне, дорогах, усталых лошадях и людях, которым необходимо платить за работу. Лекс, похоже, разобрался в этом раньше неё. Учиться у противника было неприятно, но отказаться от полезного урока из одного самолюбия — ещё глупее.

* * *

На следующем листе она написала: «Что делать дальше. Пересмотреть, если узнаем новое». Не случайно оставила место для исправлений: завтра могло выясниться, что сегодняшний разумный расчёт строился на неверном донесении.

Первое: Валтар. Его страх потерять власть можно усиливать правдивыми сведениями о беглецах и потерях сборов. Не выдумывать нападения, которые легко опровергнуть. Пусть он сам завышает угрозу.

Второе: Крейн. Не убивать. После его смерти в клане останется одна злость. Живой Крейн считает деньги, корм, лошадей и цену нового похода. Пусть лучше сомневается, выгоден ли ему союз баронов.

Третье: Селена. Не давить. Давать ей сведения, которые показывают усиление Валтара. Она сама будет сдерживать его, если почувствует угрозу собственному положению.

Четвёртое: Морвуд. Почти не трогать. Старик слишком хорошо замечает, когда сведениями пытаются направить его мысли. Пусть получает часть правды обычными путями.

Пятое: Драконов. Не пытаться купить. Его можно только поставить перед военной задачей, где политика мешает командованию.

Шестое: Красные горы. Не внедрять агента через Радима сейчас. После провала Родиона ингрийская группа стала осторожнее. И главное — Радим уже показал, что открытый спор с Лексом не означает готовности предать.

Мираэль задержала перо. Прежний план был плох уже в основании: любое недовольство она принимала за трещину, в которую можно вбить клин. Между тем люди могли не соглашаться друг с другом и всё-таки не предавать. Признать это оказалось неприятнее, чем потерять очередного агента.

Седьмое: искать нуждающихся. Больные дети, долги, родня на землях баронов. Для такого человека спасти своё важнее любых убеждений. Рядом она написала: «СНАЧАЛА ПРОВЕРИТЬ, ЧЕМ ОБЕРНЁТСЯ ВЕРБОВКА. Отчаявшиеся часто ненадёжны».

Восьмое: Нергал.

Некоторое время Мираэль смотрела на пустую строку. Она сотрудничала с культом богини, пользовалась услугами жрецов, передавала им сведения и через них получала доступ туда, куда обычная разведка не дотягивалась. Но разрушение храма показало обратную сторону такой близости: чужая божественная власть превращала её людей в мишени. Если Нергал решит мстить за унижение, ей едва ли будет важно, кого она увлечёт за собой.

Она вывела: «Держаться на расстоянии. Не брать поручений без собственной выгоды. Не раскрывать культу устройство сети».

Последняя строка заставила её усмехнуться. Когда-то союз с богиней представлялся вершиной силы, а теперь Нергал оказалась в списке рисков. Мираэль не переходила на другую сторону; она лишь признавала, что чужая власть не обязана беречь даже самых полезных слуг.

* * *

Под утро Человек в Сером неожиданно вернулся, когда Мираэль уже собиралась закрыть папки. В другое время она спросила бы, почему он нарушил порядок докладов, но сейчас по его лицу поняла: речь не о пустяке.

— Что?

— Весточка из восточного сектора, — сказал агент. — Наш наблюдатель у Красных гор прислал две вещи.

Он положил на стол узкую деревянную пластинку и клочок серой шерстяной ткани. На пластинке был вырезан старый знак допуска базы, уже не действовавший. Ткань на первый взгляд ничем не отличалась от лоскута, который можно найти в любом караване.

— Жетон купили у человека, который ушёл из Красных гор, когда там сменили правила. Говорит, теперь для каждой зоны своя метка. Старые недействительны.

— Полезно.

— А ткань с караванного мешка. Изнутри углём написаны номера.

Мираэль развернула ткань. Изнутри углём были выведены четыре числа, без каких-либо пояснений. Скорее складской счёт, чем шифр, хотя именно такие обрывки иногда и соблазняли неопытных агентов искать скрытый смысл там, где его не было.

— Это всё?

— Наблюдатель уверен: сможет подделать маркировку одной из внутренних партий.

Она прижала донесение пальцем.

— По четырём числам?

— Он уверен.

— Тогда он опасен.

— Для кого?

— Для нас.

Она отложила ткань.

— Передай ему: ничего не подделывать. Пусть три недели смотрит, как меняются номера, кто их наносит и где проверяют. Потом выслушаю его предложение. Не раньше.

— Три недели?

— Если Лекс успеет умереть раньше, задача исчезнет сама.

Агент кивнул.

— Ещё что-то?

— Есть слух, что люди привезли из Старого Города большой запас звёздного железа.

— Сколько?

— Говорят, шесть слитков.

Мираэль замерла, хотя сама только что требовала точности. В слухах это было самое опасное: стоит придать догадке вид точного числа — и слушатель уже готов принять её за проверенный факт.

— Источник?

— Караванщик слышал от дворфа в трактире.

— Какого дворфа?

— Не знает имени.

— Значит, пока мусор.

И всё же она записала слух о шести слитках на отдельном листе, указав ненадёжный источник. В разряд заведомых выдумок отправлять его не стала: если сведения окажутся верными, ошибка обойдётся дорого. Хорошему разведчику не обязательно верить каждому сообщению; гораздо важнее понимать, какие из них стоит проверить прежде других.

* * *

Последним пришло требование жрицы Нергал — обычным гонцом, на бумаге, хотя прежде такие поручения передавали через кристалл. Нарушенная связь культовых узлов уже влияла на тех, кто привык считать её надёжной. Письмо принесли в двойном конверте: снаружи обычный хозяйственный отчёт, внутри — тонкая чёрная бумага, пахнувшая горьким маслом так резко, что у Мираэль запершило в горле.

«Богиня требует имена участников нападения».

Ни приветствия. Ни просьбы.

Мираэль перечитала требование и написала: «Достоверно имён не знаем. Есть предположения. Удар по непроверенным целям может оказаться ошибкой и усилить противника».

Она уже хотела закончить ответ, но добавила: «Если у культа есть подтверждённые сведения, готова сравнить их с нашими». Формальная вежливость скрывала вполне ясное требование: прежде чем ждать от неё имён, пусть покажут собственные доказательства.

Прежде Мираэль без долгих колебаний назвала бы Клыка, Грука и Грымзу вероятными участниками, предоставив Нергал самой разбираться с последствиями. Теперь такой ход казался опасным. Ударит богиня по ошибочной цели — Красные горы получат новое доказательство слепой мести. Попадёт в настоящих виновников — получат мучеников. Мираэль не желала расплачиваться за чужую ярость собственными людьми.

Она запечатала ответ без личной печати и позвала секретаря. Сколько промежуточных звеньев сохранилось после нападения на храм, Мираэль не знала, поэтому на внешнем конверте указала лишь хозяйственный адрес. Настоящего получателя предстояло определить тем, кто и раньше передавал такие пакеты по цепочке. Если письмо перехватят, лучше потерять бумагу, чем ещё одного связного.

— Передайте обычным путём, через культ. Моих людей дальше второго звена не посылать.

— Но раньше…

— Раньше храм стоял.

Секретарь понял.

— Да, госпожа.

* * *

На рассвете Мираэль всё ещё не спала, но впервые за три ночи закрыла папки по собственному решению, а не потому, что иссякли сообщения. Ни донесения, ни опасности не закончились; закончилась только та часть работы, которую можно было сделать до утра.

На столе остались три листа: список рабочих направлений, сведения о соглашении Силь'Верен и короткая запись: «6 слитков? НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО». Письмо Лексу уже ушло по цепочке.

Мираэль погасила багровый кристалл. Комната потемнела, и за иллюзорной стеной проступила узкая полоска утреннего света. В этом свете особенно отчётливо были видны исписанные края листов и следы воска на столе.

Она смотрела на светлеющую полосу и думала не о победе. Победы оставались для песен и торжественных отчётов. Ей требовалось другое: чтобы ни Лекс, ни Валтар, ни Нергал, ни Магистериум не получили такой власти, при которой люди вроде неё перестанут быть необходимыми.

Цель была некрасивая, зато её хотя бы не приходилось приукрашивать.

Перед выходом Мираэль ещё раз перечитала запись о шести слитках. Если слух верен, у Лекса появился запас металла, который однажды уже разорвал связь аватара с источником. Оружием против богов назвать его пока нельзя, но возможность такого оружия теперь приходилось принимать в расчёт.

Именно возможность пугала больше готового клинка или заряда. Оружие можно украсть, спрятать, сломать, заставить владельца израсходовать. А умение создавать новое отнять гораздо труднее — особенно у людей, которые уже привыкли работать вместе и не останавливаться после неудачи.

Она написала рядом: «Не пытаться красть металл до подтверждения. Наблюдать за входом и выходом. Не лезть внутрь».

У Красных гор уже существовала охрана, которая училась на каждом проникновении. Не стоило помогать ей совершенствоваться новыми ошибками своих агентов.

Интерлюдия 1. Голос из тишины

Месяц Менельмос, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры

Время: до событий Совета прайда в Пылающих степях — перед рассветом, спустя три дня после малого Совета богов

Место: Небесные чертоги, кузница Кователя

Кузница Кователя ничем не напоминала тронный зал. Наковальни стояли на отведённых им местах, клещи висели по длине и назначению, а формы были отмечены старой насечкой. Возле каждого горна лежал свой набор молотов. Лишь масштаб выдавал необычность места: некоторые заготовки были больше человеческого дома, а в глубине одного из горнов вместо угля медленно вращалось белое свечение, от которого не исходило жара.

Кователь не работал.

Для него это было почти противоестественно.

Кователь стоял у широкой прозрачной стены и смотрел вниз. С высоты Чертогов Айрос представлялся сложной картой тепла, воды и эфирных токов. Разглядеть Красные горы оттуда было невозможно: их местоположение указывали приборы и старые каналы наблюдения, а о переменах сообщали слабые колебания в сети. Но Кователь давно знал, что измерить перемену ещё не значит понять её причину.

Три дня назад на малом Совете Азур предложил созвать всех богов. Алтарный узел Нергал был разрушен, и даже тем, кто привык считать смертных досадным шумом на поверхности мира, пришлось признать: теперь этот шум нарушал работу системы.

Кователь провёл большим пальцем по старому ожогу на ладони.

Когда-то он считал систему удачной.

Эта мысль теперь возвращалась чаще остальных.

За спиной что-то переменилось. Свет не вспыхивал, портал не открывался; просто горн вдруг умолк, хотя пламя в нём не погасло, а маятник старого измерителя остановился между двумя делениями.

Кователь не обернулся сразу.

— Пришёл всё-таки.

Ответ не прозвучал вслух. Кователь воспринял его смысл сразу, целиком, и только потом память придала ему голос.

— Ты ожидал меня.

— Я ожидал вопроса.

Кователь повернулся.

Верховному не требовалось принимать телесный облик. Посреди кузницы возникла область отсутствия — не тьма, ведь тьма всё-таки была чем-то, а пустота без очертаний, за которые мог бы зацепиться взгляд. Кователь видел такое проявление уже много раз и всё равно испытывал привычное раздражение мастера, не способного подступиться к нему с обычными инструментами.

— На малом Совете тебя не было, — произнёс Верховный.

— Там и без меня хватало голосов.

— Нергал приняла твоё отсутствие за знак вражды.

— Нергал многое считает враждебным.

— А ты?

Кователь посмотрел на молоты, развешанные у стены.

— Я вижу в разрушенном храме последствия.

— Чего?

— Того, что мы делаем со смертными. Но их ответ мы по-прежнему называем неповиновением.

Присутствие напротив ничем не выдало реакции. Кователь не мог определить, удивили ли Верховного его слова, и раздражался оттого, что снова оставался перед собеседником словно без инструментов.

— Ты работал рядом с Древними, — продолжил Верховный. — Но сейчас меня интересуют люди. Ты был ближе остальных к их первым поселениям, видел, как они жили до нынешнего порядка. Расскажи, что помнишь сам, а не то, что о них записали позднее.

Кователь подошёл к верстаку и сел. О вещах, требовавших вдумчивого ответа, он не любил говорить стоя.

— Помню, что они были людьми.

— Это не ответ.

— Точнее не скажу.

Он взял со стола кусок холодного железа, перевернул в пальцах и положил обратно.

— Их привыкли считать заготовками, существами без эфира, чистым материалом. Сверху так говорить удобно, а я видел их вблизи. Эфир отвечал им иначе, чем нам: порой едва отзывался, порой проходил мимо, словно не находил, за что зацепиться. Но пустыми они не были. Они спорили, ошибались, строили, таскали друг у друга инструменты — кто-то возвращал, кто-то нет. Растили детей, хоронили умерших, делали плохие замки и хорошие мосты.

— Ты говоришь о поведении.

— А из чего ещё складывается жизнь?

Кователь услышал, каким резким вышел вопрос, но смягчать его не стал.

— Из структуры, — ответил Верховный.

— Вот поэтому мы и не понимаем их до конца.

Кователь поднялся, подошёл к одной из старых полок и снял с неё пластину размером с ладонь. На металле сохранились мелкие отметины — не руны и не магическая запись, а обычные царапины от инструмента.

— Это сделал человек из моей первой мастерской. Я велел ему выправить кромку. Он выправил плохо, а когда я заставил переделать, со злости испортил ещё сильнее. Ночью вернулся и сделал как надо, будто надеялся, что я не замечу, как ему пришлось признать собственную ошибку.

— И ты сохранил испорченную пластину.

— Правильная пошла в механизм. Эта напоминает, почему механизм вообще появился.

Кователь вернул металл на место.

— Они были не чище нас. Не лучше. Просто не нами. В этом разница, которую мы постепенно забыли.

Верховный долго молчал.

— Нергал утверждает, что смертные разрушают порядок.

— Чей порядок?

— Айроса.

— Айрос сам не скажет, что ему нужен именно наш порядок. Мы говорим за него.

— Значит, ты считаешь Великий Договор ошибкой?

Кователю хотелось ответить сразу, как бывало прежде, но он удержался. Снял клещи с крюка и перевесил на соседний, где им и следовало висеть, и лишь после этого произнёс:

— Я считаю ошибкой то, во что мы его превратили.

Перед ним был не Азур и не Нергал. Верховный был не тем собеседником, от которого можно отделаться красивой фразой.

— Договор остановил наши войны, ограничил прямое вмешательство и отделил часть нашей силы от мира смертных. Всё это было необходимо. А потом мы научились получать желаемое, соблюдая его букву: через культы, страх и посредников. Мы ставили смертных в зависимость от себя, сами больше не выходили в поле — и решили, будто к жатве непричастны.

— Ты и о себе сейчас говоришь?

— Конечно. И о себе тоже.

Кователь повернул ладони вверх.

— Моими инструментами строили кристаллические системы. Я учил мастеров сохранять устойчивость контуров, видел, во что превращаются некоторые поля, и слишком долго считал это чужой работой. Ведь плеть держал не я.

У дальней стены тихо щёлкнул остывающий металл.

— Люди тоже пользуются результатами твоей работы, — заметил Верховный.

— И иногда убивают ими друг друга. Поэтому мастер обязан понимать, что сделал. Но это ещё не даёт ему права отнять инструмент у всех лишь потому, что кто-то воспользовался им не так, как хотелось мастеру.

Присутствие стало плотнее. Эфирный огонь в горне вытянулся в тонкую белую полосу.

— Тогда чего ты хочешь?

Впервые за весь разговор Кователь посмотрел прямо туда, где чувствовал внимание Верховного.

— Хочу, чтобы мы перестали решать за них, а потом называть это спасением.

— Даже если выбор приведёт к их гибели?

— А наш выбор уже приводил.

Кователь ответил поспешнее, чем собирался, и теперь не торопился нарушать тишину, наступившую вслед за его словами.

— Я не говорю, что нужно позволить миру погибнуть, — продолжил он. — Если рушится мост, я его подпираю. Если приходит нечто, убивающее всех подряд, — беру молот. Но когда смертные спасены, дай им самим решить, как жить дальше.

— Тонкая разница.

— У хорошей работы вообще много тонких мест.

На мгновение Кователю почудилось в беззвучном присутствии что-то похожее на человеческий смех, хотя поручиться за это он не смог бы.

— Ты говоришь о человеке из Красных гор.

— В том числе.

— Он уже меняет равновесие.

— Не один.

— Но вокруг него сходится слишком много линий.

— Потому что все смотрят на одну заметную точку и забывают про тех, кто держит линии руками.

Кователь не стал перечислять имена тех, кто держал эти линии. Он слишком хорошо знал, как легко чужой труд исчезает за именем одного человека.

Верховный спросил:

— Ты намерен ему помогать?

Вот теперь вопрос имел вес.

Кователь опустил взгляд на верстак. На краю лежала приготовленная ещё до Совета заготовка: тонкая пластина из старого сплава, рядом — три кристалла разной чистоты, механическая рамка и лист с десятками перечёркнутых схем. Работа началась не ради Лекса. Кователь пытался понять, почему одни человеческие решения почти не оставляли ожидаемого эфирного следа, а другие заставляли старые контуры отвечать сильнее любой молитвы.

— Я намерен работать, — сказал он.

— Ты уклоняешься.

— Это всё, что я могу сейчас ответить.

Кователь подошёл к столу и провёл пальцем по первой схеме.

— Выкую ему оружие — решу, чем ему воевать. Дам знание, до которого он сам ещё не дошёл, — выберу, что ему искать. Открою дверь — определю его дорогу. А потом сам же назову всё это помощью, не спросив, нужна ли она ему.

— А если он погибнет без неё?

Кователь сжал челюсть.

— Тогда я постараюсь помочь, не решая за него. Если не сумею… с этим мне тоже придётся жить.

Наступила тишина, достаточно долгая для нескольких ударов сердца, хотя в этих чертогах едва ли стоило измерять время таким способом.

— Ты изменился, — произнёс Верховный.

— Просто слишком долго смотрел на свои ошибки.

— Это и называется изменением.

Кователь фыркнул.

Присутствие Верховного начало ослабевать, но ещё не исчезло.

— На полном Совете Нергал потребует общего ответа на нападение на храм.

— Знаю.

— Азур поддержит право ответить силой.

— Ожидаемо.

— Лирна будет против расширения войны.

— Тоже ожидаемо.

— А ты?

Кователь взял с верстака молот для тонкой работы.

— Сначала хочу услышать, что именно они называют ответом. Потом спрошу цену. Потом — кто её заплатит.

— Ты всё превращаешь в ремесло.

— Иначе я бы давно стал жрецом.

Присутствие исчезло.

Маятник измерителя качнулся и продолжил движение с того места, где остановился. В горне снова послышалось ровное потрескивание, и кузница вернулась к своей привычной тишине.

Кователь ещё некоторое время стоял неподвижно.

Потом сел за верстак.

Перед Кователем лежала та самая тонкая пластина. На старых схемах значилось рабочее название устройства — «Искра».

Название было слишком красивым для того, что он строил.

Не оружие.

Не амулет.

Не дар смертному.

Пробник.

Устройство должно было только отмечать случаи, когда древний контур откликался на действие, не совпадавшее с ожидаемым эфирным шаблоном. Объяснять причину или подсказывать решение оно не могло.

Первый вариант расплавил кристалл.

Второй ничего не показал.

Третий показал отклонение там, где его не было.

Кователь записал все три неудачи.

Кователь установил в оправу четвёртый кристалл, почти вдвое уменьшил подачу и долго проверял крепление, прежде чем включить стенд.

Тонкая линия света пробежала по пластине и погасла.

Никакого чуда.

Кователь сверился со шкалой.

Ноль.

— Уже честнее, — пробормотал он.

Отправлять устройство в Красные горы Кователь не собирался. Даже если удастся довести его до рабочего состояния, сперва придётся понять, что оно на самом деле измеряет, а потом уже решать, вправе ли кто-нибудь пользоваться этим знанием.

Кователь перевернул лист и крупно, чтобы самому не забыть, написал: «НЕ ПУТАТЬ ОТКЛИК С ОТВЕТОМ».

Ниже он добавил: «НЕ ПУТАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ С ПРИКАЗОМ».

Молот снова поднялся над наковальней.

На этот раз он опустился не ради судьбы мира.

Всего лишь на плохо сидящую оправу.

Кователь предпочитал начинать с того, что действительно можно исправить.

Глава 6. Пыль веков

Месяц Менельмос, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Время: три дня после возвращения посольств, вечер — глубокая ночь
Место: база Красных гор, командный центр, жилые и хозяйственные отсеки

Три дня после возвращения посольств не стали передышкой между важными событиями. На базе шла обычная работа, которой в Красных горах хватало даже в самые спокойные времена. К вечеру люди иногда с трудом припоминали, с какого спора началось утро: за день успевали принять обоз, починить насос, разобраться с больным и снова вернуться к тем же вопросам, только уже с новыми цифрами.

На очередной перевязке лекарь освободил от ткани часть предплечья Айрин. Четыре шва оставались на месте. Пальцы двигались свободно, края раны были чистыми, жара не было, но поднимать тяжёлое левой рукой она по-прежнему не могла. Стоило кому-нибудь заметить, как осторожно она бережёт руку, Айрин раздражалась ещё до того, как ей предлагали помощь. Лаэрон тоже не расставался с перевязью и уже дважды попадался на попытках пустить повреждённую руку в дело. После второго раза Айрин пригрозила привязать ему локоть к туловищу. Эльф заявил, что с представителем дома Силь'Верен так обращаться недостойно. Айрин предложила оформить официальный протест после того, как срастётся ключица.

Клык почти перестал хромать после того, как на обратном пути подвернул левую ногу, хотя вечерние обходы всё ещё заканчивал раньше обычного. У Шило после рейда на храм снова разболелась старая нога, и вместо привычного места у дверей командного центра он получил от Айрин прямой приказ отдыхать. Чик носил свежую повязку на обожжённой кисти. Грымза тем временем вновь поднял вопрос о гоблинском наборе инструментов, потерянном при отходе из храма. Потеря уже значилась в первоначальном отчёте Клыка, но гоблин надеялся, что сумка всё-таки обнаружится среди разобранного снаряжения. За три дня её не нашли, и Марфе пришлось окончательно закрыть эту строку как утрату, а не временную недостачу. Грымза тут же назвал набор «жертвой во имя общего дела». Кор-Дум заметил, что общему делу было бы полезнее, если бы гоблин привязывал сумку нормальным ремнём.

В кузнице тем временем никто не обсуждал богов.

Там спорили о шести слитках звёздного материала.

Кор-Дум после первого осмотра запретил называть металл чудесным. Зураб его поддержал, а Грым предложил записывать не впечатления, а результаты испытаний. За три дня от самого малого слитка удалось отпилить две тонкие пластины. Они испортили одну пилу, затупили три резца и пока установили лишь несколько вещей: материал крайне трудно обрабатывать обычным инструментом, рядом с действующим эфирным контуром его поведение заметно меняется, а быстрый нагрев приводит к неприятным последствиям. Что именно происходило в последнем случае и при каких условиях, мастера ещё выясняли.

— «Не любит» — не свойство материала, — заметил Лекс утром третьего дня, прочитав запись Грыма.

— Когда металл дважды выбивает клещи из рук ученика, это очень даже свойство, — возразил Кор-Дум.

— Тогда запиши, при каком нагреве это случается.

— Ты мне ещё предложи всю кузницу в таблицу занести.

Грым, не вмешиваясь в спор, уже записывал показания.

Так и жили.

К вечеру третьего дня Айрин собрала Совет. Результатов посольств было достаточно для разговора, но недостаточно для самоуспокоения.

Лекс ничего не назначал и узнал о времени собрания от Марфы. Она нашла его у мастерской и предупредила, что, если он опоздает, место за столом займёт мешок с солью: тот хотя бы молчит и не пытается посреди обсуждения убежать проверять прибор.

Командный центр изменился со времён первых собраний. Старый стол из ящиков всё ещё стоял посередине, зато карты теперь хранили в тубусах, решения — в журнале, а у двери висела дощечка с именами допущенных к закрытым обсуждениям. После истории с Родионом и поддельным письмом, использованным при нападении в Силь'Верен, такой список перестали считать недоверием к своим. Он напоминал, что у каждого права на сведения есть предел.

Айрин вошла первой и положила на стол три папки: лес, Стальгорн, степи.

Лекс принёс журнал мастерской. Кор-Дум поставил перед собой кружку воды вместо пива и всем видом показывал, что это временное нарушение порядка. Грым сел рядом с Писком. После двух ремонтов дроид увереннее держался на новой опоре, поэтому его оставили на полу, не поднимая на стол. Зураб устроился у стены. Клык выбрал место, откуда видел дверь. Марфа разложила продовольственные ведомости. Эрвин остановился возле свободного стула рядом с Айрин.

— Сядь, — сказала она.

— Я могу постоять.

— Можешь, конечно. А потом нога разболится, и мне с тобой в лазарете возиться.

Эрвин сел.

Лаэрон сел с краю, стараясь не тревожить перевязанное плечо. Серафима пришла последней. На пороге она задержалась, будто ещё решала, уместно ли присутствовать здесь после споров о природе богов и самой веры. Айрин встретила её взглядом и указала на свободное место. У дальней стены расположились Грук и двое орков. Гоблин Гробби представлял людей Зига: торговец ушёл встречать караван, а помощнику наказал слушать внимательно, не продавать услышанное и не пытаться купить себе стул.

— Все? — спросил Лекс.

Клык сверился с дощечкой.

— Все, кто должен быть.

— Тогда начнём, — сказала Айрин. — Прежде всего нам надо подтвердить то, что я подписала от имени Совета. После уже разберём, какая помощь у нас есть на самом деле. До богов ещё доберёмся.

Она раскрыла первую папку.

— Первое, годичное соглашение с домом Силь'Верен уже действует: взаимное ненападение, обмен проверенными сведениями, помощь лекарствами и инструментами в оговорённых пределах. Лаэрон остаётся связным дома. Дополнительный протокол я подписала с условием, что его подтвердит наш Совет. В нём уточнено, как проверять источники и указывать степень доверия к сообщениям. Кроме того, дом согласился открыть один закрытый маршрут для эвакуации гражданских, если базе будет грозить уничтожение. До нашего решения это ещё не действующее разрешение. Вооружённые части по маршруту не проводим, карты не копируем, сам путь остаётся под контролем дома.

— И армии не будет, — добавил Лаэрон.

— И армии не будет, — повторила Айрин. — Чтобы через неделю никто не начал рассказывать, будто великий лес уже выступил за нас.

Гробби перестал царапать ногтем стол.

— А рассказать, что лес не против нас, можно?

Клык прищурился на Гробби.

— Условия договора пересказывать можно. Только точно, без того, чего в бумагах нет.

— Это гораздо скучнее.

— Поэтому и безопаснее.

Айрин перевернула страницу.

— Цена у договора тоже есть. Дочь Силь'вариэна живёт в Стальном Шпиле: она замужем за сыном одного из наместников. Если Магистериум сделает её заложницей, мы не сможем

обещать, что обязательно вытащим её оттуда. Может статься, нам это просто не по силам. После покушения дом ещё и усилил охрану наших встреч. Для этого нужны люди и средства, а у эльфов они тоже не бесконечны.

Лаэрон кивнул, не поднимая глаз. Пальцы его здоровой руки на мгновение сжались, затем расслабились. Кор-Дум откашлялся.

— Теперь дворфы.

Он не стал начинать с самого шумного спора в подгорном зале, хотя прежде наверняка рассказал бы о нём первым.

— Совет Стальгорна в войну не вступил. Красный Камень по-прежнему против нас, Глубинные Странники сохраняют нейтралитет. Малые караваны и гонцов по их дорогам пропустят, войска — нет. Частная торговля остаётся законной: не караваны оружия и не бесплатные склады, а обычные поставки по договору. Стальной Молот разрешил своим мастерам работать со мной, если они сами того захотят и подпишут договоры. Брунхильд удерживать желающих не станет.

— Сколько уже пришло? — спросила Марфа.

— Пятеро договоры подписали, уже работают. Ещё трое пока думают, стоит ли подписываться.

— И если придут остальные трое, кормить придётся уже восьмерых, — заметила Марфа.

— Спасибо, Марфа.

— Это не шутка.

— Я знаю.

Кор-Дум развернул карту, полученную от Хельги, удерживая края от скручивания.

— А это личное. Старые выработки под Серыми землями. Кладка кое-где похожа на искусственную, но не вздумайте сразу писать «клад Древних» или «склад артефактов». У Хельги там погиб муж, тело так и не нашли. Она просила не лезть в опасную шахту ради мёртвого. Если когда-нибудь окажемся рядом и сможем без риска оставить памятный камень у старой отметки, оставим. А в действующие клановые ходы без разрешения не войдём. Копии этой карты тоже не делаем.

Лекс не потянулся к карте.

— Под печать, — сказал Лекс. — Пока карта нам не нужна. Когда решим идти, сперва вернёмся к условиям Хельги.

Кор-Дум одобрительно хмыкнул.

Клык говорил коротко.

— Крэш сохраняет нейтралитет, — сказал Клык. — Прайд отказал Крейну в проходе вооружённого отряда, хотя тот предлагал золото. Это подтвердили два гонца. Больше нам ничего не обещали: ни войска, ни земли, ни право нанимать людей от имени всего прайда. Обмениваемся проверенными сведениями о баронах через одиночных посланников. Если положение изменится, Крэш сообщит сам.

— А долг? — спросил Эрвин.

Клык помолчал.

— Это наш с ним долг. Между нами и останется, в договоры его вписывать не будем.

— Правильно, — сказал Грук из угла.

Клык повернул голову.

— Ты сегодня подозрительно разговорчив.

— Два слова.

— Для тебя много.

Грук показал клык в короткой усмешке.

Айрин вновь подвинула к себе папку дома Силь'Верен. Она предложила Совету подтвердить дополнительный протокол, не расширяя его условий. Возражений против оговорённых

ограничений не оказалось; после короткого обсуждения решение приняли и внесли в журнал. Только тогда Айрин сдвинула все три папки вместе.

— Вот на такую помощь мы можем рассчитывать, — сказала она. — Пока на этом всё.

Стол был завален бумагами, которые ещё недавно казались не связанными между собой: торговыми условиями, пограничными правилами, сведениями о дорогах. Ещё месяц назад Лекс попытался бы свести этот список к числу бойцов, длине маршрутов и вероятности помощи. Теперь почти каждая строка начиналась с ограничения. Он понимал, почему Айрин так настойчиво добивалась точных формулировок: обещание, которое не требует невозможного, легче исполнить.

— Этого недостаточно, чтобы идти против богов, — сказала Серафима.

Никто не возразил.

Грым перестал крутить карандаш.

— Вот поэтому я и просил дать мне слово на Совете.

Кор-Дум тяжело вздохнул.

— Началось.

— Что?

— Сейчас сын достанет бумагу и заставит всех думать.

— Ты сам научил.

— Нет. Я учил работать.

— Поздно отказываться.

Писк издал короткий звук, похожий на согласие.

Грым положил на стол три листа. Первый озаглавил «АРХИВ», второй — «ПОДТВЕРЖДЕНО», третий — «ВЕРСИИ».

— Договоримся сразу, — сказал он. — Стоит мне произнести «Древние знали», отец вправе дать мне по затылку. Мы нашли обрывки записей; часть повреждена, а за точность некоторых переводов я не ручаюсь. Нулевой Архитектор помогает читать, Писк сравнивает сведения с тем, что сохранилось в его памяти, Архитектор Лекса проверяет доступные узлы. Но ни один из них не видел всего прошлого и не сможет восстановить его по нескольким файлам.

— Наконец-то нормальное начало, — сказал Кор-Дум.

Гробби поднял палец.

— А там про деньги есть?

— Нет.

— Плохой архив.

— Я ещё не начал.

Грым ткнул в первый лист.

— Первое. В нескольких архивах описаны сущности, которые поддерживают своё существование за счёт коллективных эфирных откликов. Упоминаются молитвы, страх, повторяющиеся символы и массовые ритуалы. В одном из файлов Архитектор переводит обозначение такой сущности как «самоподдерживающаяся смысловая структура», но сразу предупреждает: перевод приблизительный.

Серафима медленно подняла глаза.

— И вы решили, что это боги.

— Нет, — ответил Грым. — Архитектор предлагает короткое слово «эгрегор», но и его считает неточным. Сначала разберём совпадения. Назвать любую непонятную строчку богом всегда успеем.

Он перевернул второй лист.

— Теперь то, что мы проверили. У аватара Нергал была связь с источником вне тела; подавители ослабляли её. Звёздный материал нарушил связь заметнее обычного металла. После разрушения аватар не умер так, как умирает человек: осталось тело без прежней лич-

ности и без доступа к источнику. Культовый узел в храме после подрыва перестал нормально работать. Об этом позволяют судить реакция жрецов и два сообщения, полученные по независимым каналам.

Эриннии здесь не было. Айрин не приглашала её на разговор о прошлом, которого девушка сама не помнила. Обсудить это с ней решили заранее: сперва понять, какие сведения можно считать достоверными, затем спросить, хочет ли она их услышать.

— Значит, мы пока лишь заметили сходство, — сказала Серафима. — Это ещё не вопрос веры и уж точно не приговор. Просто сходство.

— Да, — подтвердил Грым. — Сходство ещё не доказывает, что архив говорит именно о Нергал. Тем более мы не знаем, одинаково ли устроены все боги.

— Сердца? — спросил Лекс.

Грым кивнул.

— В двух повреждённых документах встречаются «накопительные ядра» и выражение «сохранение устойчивого образа вне локального воплощения». Архитектор перевёл один термин словом «сердце»: так его называли более поздние технические записи. Где эти ядра, сколько их и принадлежат ли они конкретным богам, мы не знаем.

— А если разбить? — Зураб отложил точильный камень.

— Один отчёт утверждает, что потеря ядра разрушает локальное воплощение и резко уменьшает запас энергии структуры. В другом сказано о восстановлении через резервный контур. Только даты не совпадают, да и объекты разные. Обещать, что мы сломаем сердце и бог уснёт на тысячу лет, я не стану.

— Вот и славно, — мрачно произнёс Клык. — То есть способа убить бога у нас всё ещё нет.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что проверять, — сказал Лекс.

— Умеешь же ты красиво сказать, что ответа у нас нет.

— Учусь у Архитектора.

За столом негромко усмехнулись. На мгновение разговор стал менее тяжёлым.

Грым коснулся третьего листа.

— Теперь хуже.

— Почему хуже? — спросил Гробби.

— Потому что касается живых.

Грым вывел на стену две короткие архивные записи. Вместо готовой истории мира перед собравшимися оказались несколько строк, схема тела, обозначения тканей и таблица параметров, почти половина которых оставалась непонятной.

— Проекты «УРУК» и «НОРР». Названия условные: так мы читаем служебные коды. Оба документа ссылаются на человеческую базовую линию. В «УРУК» перечислены увеличение мышечной массы и плотности костей, устойчивость к токсинам, ускоренная реакция на угрозу. В «НОРР» — уменьшение размеров, развитая мелкая моторика кистей, приспособленность к тесным техническим каналам и… — Грым поморщился, пытаясь разобрать строку, — что-то о способности переносить нестабильный фон. Здесь запись повреждена.

Грук не двигался.

Гробби перестал улыбаться.

— И что это значит? — спросил орк.

Грым ответил не сразу.

— Только то, что когда-то существовали проекты с такими параметрами, — ответил Грым. — За основу в них брали человеческую базовую линию. В поздних записях есть изображения существ, очень похожих на орков и гоблинов. Но родство тех, кого когда-то держали в лабораториях, с нынешними семьями и племенами мы проследить не можем. Я не вправе показывать тебе бумагу и говорить: «Вот почему ты такой».

— А можешь сказать, что нас сделали оружием?

— В разделе про «УРУК» есть слова «боевое применение», — сказал Грым. — Но это сказано о проекте. Про твою жизнь там ничего нет.

Грук опустил взгляд на свои ладони.

— Хорошо сказал.

Грым, кажется, ожидал удара, насмешки или хотя бы возражения.

— Хорошо?

— Если мёртвый мастер выбил на железе слово «топор», это не значит, что я обязан всю жизнь рубить то, на что он укажет.

Кор-Дум тихо хмыкнул.

— Вот теперь нормально.

Гробби поднял палец.

— А если нас делали для каналов, почему мы так любим деньги?

Марфа ответила раньше всех:

— Потому что деньги придумали уже живые.

— Умная женщина.

— Я знаю.

Эрвин попросил показать документы ещё раз.

— А даты после Падения там есть?

— Ни одной надёжной, — ответил Грым. — Часть отметок сбита, а диапазон, который предлагает Архитектор, слишком широк.

— Тогда не стройте по этим строкам историю целых народов, — сказал Эрвин. — Архивная запись не заменяет ни песню рода, ни могильную плиту. Может быть, она расскажет, откуда всё начиналось. Но о том, как люди жили потом, по ней не узнаешь.

Лаэрон впервые за долгое время заговорил:

— У эльфов половина домов умеет превращать одну старую запись в право командовать соседями пятьсот лет. Советую не повторять.

— Записал, — сказал Грым.

— Ты всё записываешь?

— Почти.

— Ужасная привычка.

— Очень полезная.

Серафима всё ещё смотрела на первую схему.

— Если вера может поддерживать такие структуры… что тогда молитва?

Никто не стал отвечать за Серафиму. Лекс заметил, как её пальцы легли на золотую шестерёнку у груди. Амулет выглядел как всегда; по внешнему виду нельзя было судить о том, что она сейчас чувствует.

— Не знаю, — сказал Грым. — И в этот раз за молоток хвататься не буду: сперва надо понять, что тут вообще сломалось.

Серафима кивнула.

— Спасибо.

— За что?

— За «не знаю».

— Грук, Гробби, расскажите своим, — сказала Айрин. — Это касается их напрямую. Только не выдавайте обрывки архива за доказанную историю происхождения. И технические схемы пока никому не передавайте.

— Расскажем, что нашли и чего не знаем, — отозвался Грук. Гробби кивнул, не пытаясь спорить.

Ещё почти час ушёл на то, как проверять сведения, не расплачиваясь за каждую догадку чужой жизнью. Клык предложил три разведывательные задачи, но две вычеркнул сам: при таких исходных данных риск не оправдывался. Эрвин взял копии терминов для сверки с ингрийскими хрониками и предупредил, что не станет подгонять перевод под привлекательную версию. Если тексты не совпадут, так и запишет. Лаэрон собирался запросить у дома Силь'Верен упоминания культовых «сердец», не раскрывая назначения запроса. Кор-Дум и Зураб продолжали испытания звёздного материала. Грым отвечал за каталог архивных записей с обязательным указанием источника и степени повреждения. Голосование не могло заменить ни одной из этих проверок.

Марфа ждала, пока все наговорятся о тайнах мира.

Потом придвинула свою ведомость.

— Теперь о том, чем вас кормить, — сказала она. — Нынешнего запаса зерна при полной норме хватит на восемь дней. Дальше — только если караван Зига придёт вовремя. С солью полегче, с маслом хуже. Два склада дров надо пополнить до следующей седмицы. Собираетесь ещё куда-то идти — сообщите состав отряда заранее, а не утром у ворот.

— Справедливо, — сказал Лекс.

— И не записывайте в приход слитки, которые ещё лежат в Гнезде, — продолжила Марфа. — Сначала доставьте их на базу.

Грым открыл рот.

— Я ничего не говорил.

— Ты подумал громко.

Стук в дверь прервал спор.

Часовой вошёл один.

— У западного приёмного двора человек. Пришёл с торговой тропы. Говорит, ему заплатили передать письмо Лексу лично.

Клык уже поднялся.

— Оружие?

— Нож сдал. Больше при нём ничего не нашли. Жетона нет. Внутрь не пускали.

— Правильно.

Ещё месяц назад Лекс, вероятно, велел бы сразу провести незнакомца к командному столу. Теперь никому за столом даже не пришло в голову это предложить.

— Где письмо? — спросил Лекс.

— У него.

— Пусть отдаст через решётку Клыку.

Часовой кивнул и ушёл.

— Лично, — заметил Гробби.

— Лично получит отказ, — ответил Клык.

Через несколько минут Клык вернулся с небольшим свёртком в серой бумаге. Ни гербов, ни угрожающих знаков — обычный тёмный воск без печати отправителя. Он положил письмо на свободную дощечку, не касаясь самого конверта.

— Курьер получил его в Механосе от посредника. Тот — от другого. Ни одного имени курьер не знает. За доставку ему заплатили, и больше всего он опасается остаться без денег, если письмо не примут.

— Следы магии? — спросила Серафима.

— Руками не трогал, не проверял. Лаэрон?

Эльф осмотрел бумагу с расстояния, затем провёл над ней маленьким диагностическим камнем.

— Активных следов не вижу, — сказал Лаэрон. — Гарантий не дам, но явной магической печати или закладки здесь нет.

— Открывать здесь? — спросила Айрин.

Когда-то Лекс отложил бы такое письмо до ночи, прочитал один и сперва попытался разобраться с подозрениями. Сейчас за столом ждали его решения. Он поймал себя на желании найти причину не показывать текст остальным. Это могло быть разумной осторожностью, а могло оказаться именно той реакцией, на которую рассчитывал отправитель. Не вскрыв конверта, он не мог знать, что из этого верно.

— Здесь, — сказал он.

Клык осторожно надрезал край ножом, не касаясь воска. Внутри лежал один лист. Лекс прочёл письмо вслух, от обращения до имени внизу: он не хотел, чтобы товарищи гадали, что услышали все, а что осталось только ему.

Начиналось письмо с одного слова — его имени.

Следующую строку Лекс произнёс ровно: «Ты привык спрашивать: откуда это известно? Поэтому ответа я тебе не дам».

Далее отправитель перечислял посольства в Стальгорн и к драконидам, поездку людей Лекса в Механос, нападение на храм Нергал и возвращение Айрин из леса с перевязанной рукой и новым соглашением. Всё это произошло. Но сколько можно было узнать обычному наблюдателю, не имея никого внутри Красных гор, Лекс пока не представлял.

На словах «Некоторые должны были остаться внутри твоего круга» Клык невесело хмыкнул. Гробби убрал руки со стола. Лекс читал дальше: отправитель не называл ни одного конкретного секрета, предлагая слушателям самим решить, какая строка должна была оставаться тайной.

В конце были перечислены возможные ответы: проверить своих людей, сменить коды, закрыть ворота либо ничего не делать. Письмо не советовало ни одного варианта. Оно обещало принести отправителю выгоду при любом решении.

Последнюю фразу Лекс прочёл медленнее: «Что бы ты ни выбрал, я узнаю о тебе больше, чем ты обо мне из этого письма».

Под ней стояло имя: «Леди Мираэль Тенеплета».

После письма повисла иная тишина, чем та, что наступила во время разговора об архивах.

Клык первым нарушил её.

— Подписи нет.

— Имя есть, — сказал Гробби.

— Имя написать может любой.

Айрин протянула здоровую руку.

— Дай.

Айрин внимательно перечитала лист и положила его рядом с тремя папками.

— Что здесь действительно тайное?

Лекс уже начал мысленно перебирать строки. Остановился.

— Пока не знаю, — ответил Лекс, заставив себя не перечислять версии раньше фактов.

— Тогда не называем тайным, пока не проверим, — сказала она.

Клык взял уголь.

— Стальгорн. Кор-Дум часть дороги проехал открыто, в городе его видели десятки дворфов. Это не тайна.

— Дракониды, — сказал Грук. — Наш отряд ушёл вместе с Клыком. На дороге видели торговцы. Не тайна.

— Механос, — сказал Гробби и пожал плечами. — Там Лекс в плаще оставался тайной примерно до второй кружки.

— Спасибо, — сказал Лекс.

— Всегда пожалуйста.

— Возвращение Грыма из Старого Города? — спросил Эрвин.

— В письме об этом не сказано, — напомнила Айрин. — А сам факт известен многим.

— По базе знают тысячи, — ответила Марфа. — Караваны видели Писка уже на следующий день.

— Да о храме Нергал уже полконтинента знает, — сказал Лаэрон.

Осталась последняя строка.

Айрин коснулась повязки.

— Рана и соглашение.

— Рану видели в лесном доме, по дороге и уже здесь, на внешнем дворе, — сказал Клык. — Соглашение ограниченное, но о его существовании могли догадаться, когда ты вернулась с Лаэроном.

— Значит, пока нет ни одного доказательства, что сведения передали изнутри базы, — подытожил Лекс.

— Зато нам подсунули одну ловкую фразу, чтобы мы сами придумали себе предателя, — сказала Айрин.

Гробби вытянул шею.

— Так это точно Мираэль?

— Нет, — ответил Лекс. — Мы пока видим совпадения и чужую подпись, которую ещё надо проверить.

Гоблин удивился.

— Но написано же.

— Нас хотят заставить думать о Мираэль. И, судя по тому, что мы знаем о ней, письмо очень на неё похоже. Но личной печати нет, путь письма запутан посредниками. В журнале запишем: «предположительно Мираэль».

Клык усмехнулся.

— Она тебя возненавидит за эту формулировку.

— Если это она.

— Особенно если она.

Лекс отложил лист. За время разговора письмо не стало достовернее: в нём не оказалось подробности, по которой можно установить, кто передал сведения и откуда их получил.

— Проверку доступа всё равно проведём.

— Только по обычному порядку, а не по указке из письма, — возразил Клык. — Как после Родиона: кто что знает, где записано, у кого копии. Проверка нужна, но выдумывать предателя и гоняться за ним по базе не будем.

Лекс кивнул.

Письмо всё-таки изменило ближайшие планы, однако искать предателя среди своих по одному намёку Лекс не собирался. Если отправитель рассчитывал на подозрения и ссоры, пока ему не удалось их вызвать.

— И ворота не закрываем, — добавила Айрин.

— Даже не собирался.

— Я отвечаю заранее.

Кор-Дум хмыкнул.

— Всё. Мир снова в порядке.

Совет закончился после полуночи. Не обещанием немедленно расправиться с богами, а перечнем работ, которым требовались люди, инструменты и время.

Марфа настояла, чтобы напротив каждого пункта появилось имя ответственного. Одним предстояло сверять сообщения, другим — следить за расходом металла, третьим — готовить дорогу; иначе к утру всё снова превратилось бы в общие обещания. На третьем листе Грыма осталось слово «ВЕРСИИ». Айрин попросила не убирать его даже там, где всем уже хотелось написать «ПОДТВЕРЖДЕНО».

Архивы — проверить. Звёздный материал — продолжить испытания. Письмо — внести в разведывательный журнал и разложить сведения по возможным источникам. Маршрут в Гнездо — проверить отдельно.

После первого похода в доступном ряду сектора 7-Г оставалось шесть слитков: всего нашли двенадцать, половину уже вывезли и учли на базе. За двумя закрытыми секциями могло лежать что угодно, но их содержимого никто не видел и в приход не записывал. Для второго вывоза требовались проверенная дорога, исправное грузовое снаряжение и люди, способные донести груз обратно без новой аварии.

— Второй рейс будет, — сказал Лекс. — Но не завтра.

Грым разочарованно выдохнул.

— Почему?

Марфа ткнула его ведомостью.

— Потому что салазки ещё не готовы.

Кор-Дум добавил:

— Потому что одна лебёдка треснула.

Клык добавил, не отрываясь от карты:

— Потому что внешний маршрут надо проверить заново после схода снега.

— И потому, что Прохор ещё не восстановил плечо, Демид бережёт раненую икру, а Зураб хромает сильнее, чем признаёт, — продолжила Айрин.

Зураб поднял взгляд.

— Я здесь вообще зачем?

— Для примера.

— Плохая женщина.

— Лекарь.

— Хуже.

В рабочем списке оставалось слишком много незаполненных строк. Лекс подождал, пока Марфа допишет замечания на полях ведомости.

— Значит, сначала подготовка. Во второй рейс идём только в уже открытую часть 7-Г и берём детали, отмеченные при первом осмотре, — сказал он. — Закрытые ячейки без отдельного решения не вскрываем, нижние уровни не ищем. Изменится маршрут — возвращаемся.

— И ищем записи о Чертогах, — сказал Грым.

— Если записи лежат на доступном пути, — ответил Лекс. — Ради них за новой дверью не полезем. Если в открытой секции найдём сервисный проход, сначала проверим схему, эфирный фон и возможность вернуться. Мы с Грымом отдельно решим, стоит ли ненадолго заглянуть внутрь. Возникнет сомнение — сразу уходим.

— Ладно, так и сделаем.

Решение получилось скучным.

Лекс всё чаще считал это достоинством.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.